

Маргарита
Дюжева

Жаркий АВГУСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

18+

Маргарита Дюжева
Жаркий Август. Книга Вторая
Серия «Жаркий Август», книга 2

<https://litres.ru/42176578>

SelfPub; 2026

Аннотация

Собственно говоря, все та же Ви Эйра. Все тот же старенький дом. Все те же действующие лица. Васька и Тимур. Только теперь главное орудие пыток – корсет Августовского, снят, и Чу стала самой собой, да и у Барсика на горизонте замаячила надежда на освобождение. Вроде все хорошо, все здорово. Казалось бы, расслабься и получай удовольствие. Но на самом деле все, ой, как не просто...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	44
ГЛАВА 4	67
ГЛАВА 5	83
ГЛАВА 6	96
Г	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Жаркий Август.

Книга Вторая

ГЛАВА 1

Тимур

Солнце уже касалось верхушек деревьев, когда Тимур устало привалился к огромному валуну, с довольным видом глядя на результат работы. Ряды деревьев теперь действительно стали похожи на ряды, а не безумное нагромождение сухих веток, валежника и мусора.

Неподалеку от него сидел Никита и курил, флегматично стряхивая с себя мусор: листья, щепки, паутину.

— Чтоб я еще раз в жизни занялся таким дерьмом, — мрачно процедил Ник, удерживая сигарету губами и щурясь от табачного дыма, — да ни за что!

— Тебя и сейчас никто не заставлял это делать, — Тимур пожал плечами. Он за три года успел такого насмотреться, что все происходящее здесь казалось лишь приятной прогулкой.

— Сейчас только ради Васьки стараюсь. Она этот сад, будь он неладен, любит нежной и трепетной любовью.

— Почему?

— Росла она в этом доме. Считаю, детские воспоминания,

ностальгия. Потом родители развелись, и они с матерью отсюда уехали.

— Из-за чего развелись?

— Не поверишь, из-за таких, как ты. У отца ее рабы были, а мать была против. А в результате, видишь, как все повернулось: ты под боком завелся.

— Ее завтра отпустят?

— Должны. Сегодня утром вывели из медикаментозной комы. Сейчас анализы, осмотры и прочие медицинские изыскания, а завтра все, домой.

— Почему ты не у нее?

— Кто бы меня еще пустил! Да и нечего мешаться под ногами. Быстрее все процедуры проведут, быстрее домой придет.

Тимур просто кивнул.

В первые дни переживал — непривычно без нее было, пусто. Да еще перед глазами картина стояла: бледная спина, ребра, еле держащиеся в ранах, кровь. Потом как-то успокоился, прислушавшись к Никите, уверенному в том, что все хорошо, все идет как надо.

Кстати, о Лазареве. Целую неделю провели с ним вдвоем. Охренеть какое удовольствие! Просто нескончаемый праздник! Фейерверк восторга, радости и дикой эйфории!

Биологические часы работали примерно одинаково, поэтому на завтрак выползали одновременно. И начиналось. То одно не делят, то другое. Потом Нику стало скучно, и

он решил принять участие в расчистке сада.

Такое началось веселье, что словами не передать. Один считал, что надо так делать, другой был уверен в обратном. К вечеру уже орали друг на друга, забыв, кто есть кто. Да еще дождина пошел. В результате вернулись домой сырые, грязные, злые. Разбрелись по своим комнатам, мечтая прибить друг друга. А на следующее утро, когда Тимур вышел на улицу, у гаража его уже ждал хмурый Никита, встретивший словами «долго спишь». И все заново!

Вот так эта неделя и прошла. Васьки не было, но зато был Никита.

— Завтра гости придут. Таисия уже все организовала. Василиску отпустят где-то в шесть, к этому времени уже все должны быть здесь. Тайкин брат, его друзья, конечно, Марика, еще парочка школьных друзей, подруг...

— Наташка еще какая-то приехать должна.

— Ах да, Наташка. Куда же без нее. Наташка — наше все, — хмыкнул Никита и продолжил перечислять, — сама Тайка, ну и мы с тобой.

— Я тут причем?

— Не переживай, долго терпеть нас не придется. Дома пробудем часа два, потом свалим в клуб, так что особо доставать тебя не будут.

— Угу, как же, — проворчал себе под нос, вспомнив белобрысую стерву, которая с маниакальным упорством назва-

нивала Ваське, пытаюсь его забрать.

— Ты про Марику? — словно прочитав его мысли, поинтересовался Лазарев. — Поверь, ей будет не до тебя. У нее все силы уйдут на то, чтобы ядом не захлебнуться.

— С чего бы это?

Никита пренебрежительно отмахнулся от вопроса. Потушил сигарету о камень и поднялся на ноги:

— Все. Давай заканчивать. Задолбал меня уже этот сад.

Следующий день пролетел как-то совершенно незаметно. Туда-сюда, одно, второе — и на часах уже пять.

Первыми появились Вадим и Руслан. Никита на правах лучшего друга хозяйки их радушно встретил, и через минуту они уже общались так, будто всю жизнь были знакомы. Вскоре появились еще две пары, которых Тимур ни разу не видел. В доме стало оживленно, шумно, весело.

Спустя некоторое время Никита, убедившись в том, что всем интересно общаться, ретировался, усевшись на высокий стул рядом с барной стойкой.

— Васька звонила. Сказала, что все отлично, голос веселый, счастливый, довольный. Так что ждем.

— Почему ты ее сам не забрал?

— Ей прическу приспичило сделать, ногти покрасить, — махнул рукой Ник, — у меня в такие моменты просто мозги плавятся. Так что сама на такси приедет, как закончит.

Минут через десять Тимур увидел то, от чего его передер-

нуло: красную машину, подъезжавшую к дому:

— Марика? — равнодушно поинтересовался Лазарев.

— Она самая.

— Хм, ладно, посмотрим, что это за цаца.

Когда постучали, он кивнул одному из парней, чтобы открыли. В гостиную сначала зашел улыбающийся Сэм, а потом, словно белый лебедь, всплыла Власова. Она сдержанно со всеми поздоровалась, хищным взглядом из-под опущенных ресниц прошлась по комнате и, наткнувшись на Тимура, тут же расплылась в довольной улыбке.

— О как! — тихо присвистнул Никита. — Напористая бабенка.

— Даже не представляешь насколько, — прошипел Тимур, краем глаза наблюдая за ее приближением.

Поравнявшись с ними, Марика смирila его многообещающим взглядом, а потом обратила свое внимание на Ника:

— Марика, — кокетливо улыбнулась, — мы с Василисой учились вместе.

— Никита. Мы с ней коллеги, и встречались раньше.

— Шутник, — усмехнулась она.

— Еще какой.

После этого девица переключила внимание на Тима:

— Почему ты всегда без браслетов?

В ответ промолчал.

— Я задала вопрос, — в ее голосе послышались холодные переливы.

— Мне нельзя с кем попало разговаривать, — монотонно соврал он.

Власова недовольно поджала губы, а потом снисходительно поинтересовалась:

— Думаешь, я не смогу тебя забрать? — теперь в голосе звучала слегка прикрытая самодовольная угроза, — На самом деле все очень просто, а самое главное — законно. Так что готовься к переезду.

Никита, до этого момента мрачно наблюдавший за происходящим, громко покашлял, привлекая к себе внимание. Сахарно улыбнувшись, Марика развернулась к нему, на время оставив окаменевшего Тимура в покое:

— Представляешь, какие наглые рабы пошли. Никакого воспитания.

— Угу, — согласился Ник и сделал зовущий жест, приглашая ее подойти ближе. Когда она шагнула навстречу, он безо всяких эмоций склонился к ее уху и что-то прошептал.

Марика тут же отшатнулась, словно ошпаренная:

— Хамло!

— Даже спорить не буду! — с готовностью отозвался Лазарев, глядя на нее в упор, — Вперед. Тебя кавалер ждался!

Он кивнул на Сэма, который даже и не думал ее ждать.

Власова вспыхнула. Еще раз посмотрела гневно на одного, многообещающе на второго, отрывисто развернулась и пошла к остальным.

— Не нравится она мне... — задумчиво протянул Ник.

— Да ладно? — с показным удивлением развел руками Тимур. — Не может быть! Милейшее создание!

— Надо перепроверить ее слова о законности. Может, лазейку какую нашла.

— Думаешь? — Тим сразу стал предельно серьезным.

— Я не силен в законодательстве Ви-Эйры... Надо проверять. Ты не парься раньше времени, — взбодрил Лазарев, — за Васькой сейчас такой человек стоит, что если Марика случится к вам, он ее раскатает так, что мало не покажется.

— Ого, и что это за грозный дядя? — скептически поинтересовался Тимур.

Никита, не сдержавшись, рассмеялся:

— Даже если бы я тебе сказал, ты бы все равно не поверил. Так что сохраню личность загадочного мужика в тайне.

Тимур не понял, что именно в данной ситуации настолько рассмешило собеседника, но почувствовал, что напряжение чуть отпустило.

Они так и сидели вдвоем у барной стойки. Изредка к ним подходили остальные, чтобы обновить бокалы и произнести тост. В принципе, все не так плохо, как Тимуру показалось в начале.

На него никто не обращал особого внимания. И даже белобрысая, услышав нечто нелицеприятное от Лазарева, опасалась лишний раз к ним подходить.

Еще через полчаса к крыльцу подъехало очередное такси,

из которого появилась незнакомая девица.

— О, а вот и Натаха пожаловала, — ухмыльнулся Никита, поднимаясь со своего места, — пойду встречать.

Подойдя к двери, распахнул ее, впуская внутрь новую гостью. Они тепло друг друга поприветствовали, обнялись, и Лазарев, приобняв ее за плечи, громко произнес:

— Так, минуточку внимания! Позвольте вам представить Наталью. Наша коллега, подруга и вообще просто распрекрасная девушка. Прошу любить и жаловать! — после этого, по очереди указывая на собравшихся, начал представлять, — Сэм, Руслан, вот эту белую не помню, как зовут...

— Марика, — вспыхнула та, прожигая Ника яростным взглядом.

— ...Ах, ну да, простите, запомятовал! — он глумливо улыбнулся и быстренько назвал всех остальных, а потом потащил ее к стойке.

Тимур без особого интереса наблюдал за их приближением. Среднего роста девушка с медовыми волосами, хитрыми глазками. Очень даже приятная, если не сказать больше. Подойдя ближе, Никита чуть ли не давясь смехом, представил:

— Знакомься, Тимур, наша Наташа! Успела-таки, прилетела!

Она открыто улыбнулась, и в глазах заплясали лукавые огоньки. На лису похожа. Хитрую, игривую. Тимур в ответ сдержанно кивнул.

— Ладно, пока остальных ждем, пойдем, поболтаем, рас-

скажешь, как долетела! — с этими словами Лазарев подхватил очередной стакан и направился к креслу возле окна, увлекая за собой новую гостью.

Спустя пару мгновений, они уже о чем-то увлеченно болтали и ржали как ненормальные. У Тимура сложилось впечатление, что они без зазрения совести промывают косточки присутствующим в комнате. Даже ему самому пару раз достался насмешливый лисий взгляд.

На душе было тоскливо, погано и пасмурно. Только сейчас он понял, как сильно завидовал им. Их беззаботному времяпровождению, свободе перемещений, свободе в выборе и принятии решений. Если бы он был свободным, как раньше, то сейчас тоже бы смеялся над какой-нибудь шуткой, а может, уединился бы с Марикой, но уже на своих условиях, а может, к Лисичке подкатил. Хрен его знает, что бы взбрело в шальную голову.

Снова звук подъезжающей машины. Гости замерли, прислушиваясь к легкому цоканью каблучков. Наконец, дверь распахнулась, и в гостиную влетела Таська. Одна. С огромным букетом белых роз. Обвела всех торопливым взглядом, поздоровалась кивком и направилась к Нику со словами:

— Вижу, веселье в самом разгаре.

— Ага, — усмехнулась Марика, — только вот виновницы до сих пор нет. Прячется где-то наша королева больничной палаты, повелительница стальных уток. Не знаешь, где твоя Василиса Прекрасная потерялась? — звонко рассмея-

лась, довольная своей шуткой.

У Тимура перед глазами возникла белая, костлявая спина с глубокими воронками ран и реками крови, и появилось практически непреодолимое желание свернуть Власовой шею. Парень досадливо покачал головой, отгоняя кровожадный порыв.

Тем временем Таська в недоумении остановилась, обвела всех удивленным взглядом и рассмеялась.

— Не подскажешь, что тебя так веселит? — раздраженно поинтересовалась Марика.

— Вась, ты им так и не сказала? — даваясь от смеха, спросила Таисия.

— Ну как я могла без тебя? — раздался лукавый голос из угла комнаты.

Все как один обернулись и уставились на подругу Ника. Девушка по-прежнему сидела на подлокотнике, потягивала шампанское, задорно покачивала ногой и насмешливо смотрела на гостей. В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как где-то в коридоре жужжит муха.

Тимур во все глаза смотрел на Лисичку. Она — это... Чу?.. Чучундра?! Чудище болотное? Да не может этого быть! Та — серый заморыш с огромными очками, а эта — красивая девушка с лукавыми глазками. Смотрел, не отрываясь, не веря своим глазам, ища знакомые черты. Вот она привычным уже знакомым жестом заправила за ухо прядь волос, потерла переносицу, как делала всегда, когда он косячил или vytvo-

рял какие-то глупости. Точно — Васька!

— Ну у вас и физиономии! — во весь голос заржал Никита.

— Это шутка, да? — недоверчиво спросила Марика, наблюдая за тем, как Таська дарит цветы девушке с медовыми волосами.

— Конечно, — хмыкнула Наташка (или Васька?), — мы просто поймали госпожу Чуракову, расчленили и закопали на заднем дворе. Теперь я за нее.

Еще с минуту стояла гробовая тишина, а потом комната взорвалась десятком голосов и дружным смехом. Все бросилось к Василисе, наперебой поздравляя и что-то говоря. Девушка улыбалась, чуть склонив голову набок, отвечала на поздравления, принимала подарки...

Тимур был в шоке. Он-то ждал, что она вернется просто не такой тощей, более румяной и веселой. А тут такое!

Охренеть можно! Вот тебе и Чучундра!

В этот момент их взгляды пересеклись. Он так и стоял, как каменный истукан, а Васька показала язык и отвернулась.

Шутники хреновы!

...Дальше вечер проходил весело, вся компания собралась в одну кучу. Никита отжигал по полной, Васька смеялась. Даже белобрысая хоть и с трудом, но удерживала на губах фальшивую улыбку. Тимур хмуро наблюдал за происходящим, недоумевая, как он мог не узнать в новой гостье Василису. Ведь повадки, жесты, мимика — ничего не измени-

лось. Все та же Васька... только красивая.

Спустя некоторое время она отделилась от толпы и направилась в кухню. Конечно, он отправился следом.

— Поздравляю, — спокойно произнес, исподлобья глядя на нее, — Наташа!

Василиса улыбнулась и, бросив на него задорный взгляд, участливо поинтересовалась:

— Понравилось представление?

— Угу, — промычал, потирая подбородок, — давно себя таким идиотом не чувствовал.

— Ну и хорошо. Теперь мы квиты.

— Поня-я-я-ятно. Это ты мне за бороду отомстила? — усмехнулся, сложив руки на груди.

— Ну, не все ж тебе надо мной глумиться, — она выключила воду и вытерла руки светлым полотенцем, еле пряча улыбку.

Как ни пытался сдержаться, взгляд все равно изумленно ощупывал ее со всех сторон. Нет, ну надо же, лягушка Царевна! Как вообще вот ЭТО могло получиться из того, что тут уныло бродило по дому?! Подтянутая, фигуристая, ноги длинные, талия как у осы.

— Нравлюсь? — снисходительно поинтересовалась она, заметив его интерес, и покрутилась.

Тимур, не удержавшись, тихо засмеялся. Надо же, помнит тот их разговор. В прошлый раз этот же вопрос и с такой же интонацией задавал ей он, а теперь местами поменялись.

Ладно, он подыграет:

— Нет, не нравишься. Как оказалось, очки тебе загадочности добавляли.

— Я их сохранила. На долгую память.

— Я рад, что твои мучения закончились, — откинув шутки в сторону, тихо произнес Тимур, — с возвращением.

— Спасибо, — севшим голосом ответила Василиса, отводя глаза в сторону. Потом как-то неуверенно переступила с ноги на ногу и направилась к выходу, — к гостям пора возвращаться...

Тим отступил, уступая ей дорогу, а сам, пребывая в растерянной задумчивости, остался в кухне.

На часах уже глубоко за полночь — скоро два. А он до сих пор один дома. Все убрано и приведено в порядок, ничего не напоминало о веселом сборище. Давно пора идти спать, но сна ни в одном глазу. Голова тяжелая, мутная, мысли непонятные, нормально не вздохнуть.

Краем глаза уловил отблеск света со стороны аллеи. Обернулся и с каким-то внутренним негодованием увидел приближавшиеся фары. Надо же, возвращаются! Что ж не до самого утра загуляли?

Выключив телевизор, Тимур поднялся на ноги, отнес на кухню пустой стакан и вернулся обратно как раз вовремя, чтобы застать появление Василисы и Ника.

Привалившись боком к стойке, наблюдал, как дверь рас-

пахивается широким жестом, и внутрь вваливаются они. В обнимку, с диким смехом, мотаясь из стороны в сторону.

Пьяные, что ли?

Присмотрелся. Так и есть! Никита еще ничего, а вот Васька... вообще в ноль. Похоже, если бы верный друг ее не держал, она бы благополучно стекла на пол.

Лазарев первым заметил мрачного Тимура:

— Чу, смотри-ка, твой подопечный нас сейчас взглядом испепелит, — ухмыльнулся он, поудобнее перехватывая девушку за талию, не давая ей повалиться, — я уже боюсь!

Василиса только тут заметила Тима, на секунду замерла, рассматривая его, а потом, выпутавшись из рук Никиты, сделала шаг к нему и беззастенчиво потрепала по щеке:

— У-у-у-ути, сердитенький какой!

Тимур изумленно смотрел на нее, а потом перевел вопросительный взгляд на Лазарева.

— Кто же знал, что ее после корсета в хлам развезет от пары бокалов, — тот лишь беспечно развел руками.

Василиса тем временем направилась к дивану. Провела руками по подушкам, бормоча себе под нос:

— Мой маленький, мой хорошенький, мой любименький. Они вот издевались над нами, а я все равно тебя не брошу, даже сейчас!

— Вась, что это ты тут, родная моя, удумала? — Никита, тоже не особо твердым шагом, бросился за ней, поймав в тот момент, когда девушка уже попыталась устроиться и

прикрыть глаза.

— Я спать хочу! — пробубнила она, отталкивая от себя его руки.

— Отлично, но не здесь. Идем в комнату!

— Не-а, — притянула к себе большую подушку.

— Идем! — недолго думая Лазарев подхватил ее поперек талии и потащил прочь.

— Пусти меня! — Васька неуклюже попыталась вывернуться из медвежьего захвата, — я на диванчик хочу!

— Васька! Какой, на фиг, диванчик?! А ну не буянь! Все, тебе спать пора! — не обращая внимания на вопли и сопротивление, Никита поволок ее в комнату.

Возможно, это и не составило бы ему труда, если бы сам был в нормальном состоянии. А так получалось шаг вперед, два назад, да еще и из стороны в сторону.

— Может, помочь? — с сомнением спросил Тимур, наблюдая за ними.

Василиса, услышав его голос, остановилась и развернулась к нему лицом. Резко, рывком, так что мотнуло на полкоридора, и если бы не крепкие руки Ника, удержавшие в вертикальном положении, распласталась бы по полу.

— Тим-мка! Иди-ка сюда. Я с тобой поговорить хочу!

— Нет, не хочешь, — Никита обреченно закатил глаза и, покачав головой, потащил ее дальше по коридору.

— Хочу! — она сердито топнула ногой. — Мне с ним надо обсудить кое-что о-о-очень важное!

— Ничего не надо тебе с ним обсуждать! Сейчас наговоришь хрен знает что, а завтра придется краснеть и оправдываться! Все, угомонись.

— Нет, я с ним должна поговорить, — она попыталась оттолкнуть парня, но он лишь крепче ее перехватил:

— Ты спать хотела! Вот и идем! Не приставай к человеку!

Человек тем временем привалился плечом к косяку и исподлобья наблюдал за сладкой парочкой, из последних сил держа себя в руках. Его не волновало то, в каком виде она вернулась домой. Скорее, забавляло. Надо же, всегда умная-разумная, а тут на тебе, в полную стельку. Лопочет чего-то, мотается, пытается строить из себя серьезную даму. Забавная зверюшка.

Не волновало и ее пьяное желание поговорить с ним. Хочет? Нет проблем, поговорит на любую тему. Хотя насчет мирового заговора, хотя насчет того, есть ли у пингвинов колени. Любой разговор на ее вкус.

На все это ему было плевать.

А реально волновало только одно. Эти двое опять собрались спать вместе? И следом мысль: а вот не похеру ли ему? Судя по урагану внутри — совсем не похеру. И от этого злился еще больше, не понимая, что за дерьмо на него накатило.

Лазарев тем временем дотащил Василису до комнаты, боком толкнул дверь и запихал девушку внутрь и сам зашел следом. Тимур застыл, словно каменное изваяние, не в силах сдвинуться с места, только кулаки сжал в карманах так, что

костьяшки хрустнули.

Послышалась какая-то возня, голоса, и через минуту Ник появился в коридоре, но уходить к себе не спешил. Остался у дверей Василисы, отступив лишь на несколько шагов в сторону и упершись рукой в стену. Было видно, что чувствует себя немногим лучше, чем Чу.

— Хорошо погуляли? — холодно поинтересовался Тим, и не думая скрывать недовольство в голосе. Зачем? Лазарев в таком состоянии, что все равно ничего не поймет.

— А то! Давно я так не напивался, а тут на радостях оторвался, — хмыкнул Никита, прислушиваясь к тому, что происходило в комнате Чу.

— Так иди и отсыпайся, — настоятельно порекомендовал Тимур, еле удерживаясь от того, чтобы за шкуру не уволочь его в другую комнату.

— Сейчас, — Ник поднял указательный палец, — пара секунд. Вот только кое-что сделаю и сразу пойду.

— Что?

В этот момент Васькина дверь открылась, и на пороге появилась взлохмаченная хозяйка. Не заметив стоявшего чуть поодаль Ника, она на цыпочках покралась вперед, за каким-то прижимая к груди свои туфли с высоченными каблучками.

— Вот что! — Никита ответил на вопрос Тимура, победно указав на нее.

Услыхав над ухом его голос, Василиса вздрогнула и с виз-

гом ринулась обратно.

— Чу, блин! Я все равно не дам тебе бродить по дому! Ложись спать! Чтобы я носа твоего до самого утра не видел! Чего ты там бубнишь? Ложись, давай! Или мне тебя самому раздевать и под одеяло укладывать? Я могу, ты же знаешь!

Я тебе сейчас раздену!

Тим сам опешил от внезапной вспышки гнева. Нахмурившись, пытался понять, откуда такой кровожадный порыв. Еще крепче сжал кулаки, пытаясь обуздать ненужные эмоции и привести мысли в порядок.

Никита тем временем стоял в дверях в Васькину комнату, упираясь широко расставленными руками в косяк, и командовал:

— Брось ты эти туфли! Брось! Ну, не на стол же! На пол! Молодец! Все, залезла под одеяло, закрыла глаза. Я сказал, закрыла глаза! Только попробуй еще раз высунуться — получишь! Как с маленькой, ей богу!

Наконец, Лазарев удовлетворился результатами воспитательной работы и под пристальным взглядом недовольного Тимура побрел к себе. Со второго раза справился с ручкой, распахнул дверь и сделал шаг внутрь, но на пороге остановился и, вполоборота развернувшись, произнес, не скрывая откровенной насмешки:

— Можешь не пытаться испепелить меня своими черными глазищами. Не выйдет! И да, погуляли просто отлично!

Ах ты, зараза прозорливая!

На следующий день Тимур проснулся поздно. Может, из-за того, что вчерашний вечер тоже не на сухую провел, а может, по причине того, что до самого утра не мог глаз сомкнуть, лежа в своей постели и пережевывая непонятные самому себе мысли.

Хозяйка эта, будь она неладна, со своим чудесным преображением из головы все никак не шла. Нет, он прекрасно помнил рассказы отца о том, что в корсете становишься сушеным, как мумия, изнеможенным, но к таким вот изменениям оказался совершенно не готов. В голове просто не укладывалось. Как из той сушеной мартышки могла получиться вот такая привлекательная девочка с хитрыми глазами?

А глаза-то какие! Огромные! Это что же у нее за очки такие были, раз казалось, что эти глазищи не больше бусины?

М-да. Что тут скажешь. Квиты. Как у нее тогда физиономия вытянулась, когда заставила его побриться и привести себя в порядок, так и он в этот раз завис с открытым ртом, не веря своим глазам. Отыгралась. И Наташку эту выдумали специально для него, чтоб не догадался раньше времени, что это за гостья такая с Никитой сидит и потешается над всеми.

Кстати, о Никите. Вот теперь все встало на свои места. Что, как и почему.

Не было рядом с ним никакой серой мышки! Была хитрая, веселая лиса, с которой они отлично смотрелись вместе.

Один — самодовольный самец с вечной усмешкой на наглой морде, и вторая — фигуристая самочка, прекрасно знающая себе цену. Отличная пара, странно, что не удержались вместе. Хотя, может, не все и закончено. Им явно друг с другом хорошо и весело. Друзья, говорите? Видел он таких друзей, и не раз.

Вот не наплевать ли? Раздраженно поднялся с кровати, умылся и покинул комнату.

С кухни донесся легкий шорох, заставив его подобраться и стиснуть зубы. Уже догадываясь, кого там увидит, отрывистым шагом вывернул из-за угла.

У окна стояла Василиса в длинной, до середины бедра, растянутой, застиранной футболке, сползавшей с одного плеча. Небрежно заколотый хвост уныло съехал на бок. Она стояла и жадно большими глотками пила воду, держа стакан дрожащей рукой. Услыхав шаги, обернулась и подняла на Тимура несчастные-пренесчастные глаза.

— Хреново? — с деланным участием спросил, чувствуя, что снова начинает закипать.

Она лишь кивнула, тут же зажмурившись от неосторожного движения, и снова потянулась за водой. Потом подошла к стулу и тяжело опустилась на него.

Тимур по привычке начал заниматься завтраком, время от времени бросая на нее косые взгляды. Сначала сидела, поставив локти на столешницу и разминая пальцами виски, потом подперла щеку и прикрыла глаза, а затем вообще сло-

жила руки на столе и уткнулась в них носом, не подавая признаков жизни.

Что, перепила, деточка? Дорвалась после длительного воздержания?

Непонятно почему, но эта ситуация раздражала его все больше и больше, и ничего с этим раздражением сделать не получалось. Просто стоял и бесился, не в состоянии себя сдержать.

Вскоре в кухню выполз и второй участник вчерашнего дебоша. Помятый, сонный, взгляд мутный, на голове шухер, футболка наизнанку.

Мрачно посмотрел на Тимура, потом перевел взгляд на Ваську. Молча взял ее полупустой стакан и в два глотка допил.

— Вась, просыпайся! — тряхнул ее за плечо.

Она промычала что-то невразумительное, с трудом подняла голову, сдула с лица прядь и осоловевшим взглядом осмотрелась по сторонам.

— Лазарев, я тебя ненавижу!

— С чего бы это? — пробубнил он, усаживаясь напротив.

— Ты меня напоил!

— Даже так? Кто, по-твоему, у тебя вчера бокал за бокалом? Домой тебя кто тащил чуть ли не на закорках?

— Уж не преувеличивай! Я сама прекрасно шла.

— Конечеченно, — протянул он, — вон у Тимурки своего поинтересуйся, как ты тут сама шла.

Она бросила на парня смущенный взгляд и порозовела.

— Тебе еще повезло, что я вчера не дал вам поговорить, хотя ты отчаянно порывалась это сделать. — продолжал глумиться Никита, — Вот бы после чего краснеть пришлось не по-детски! А так обошлись только фразой «ут-ти какой сердитенький»!

Она с тихим стоном уткнулась в свои ладони, пытаясь скрыть смущение:

— Я не ожидала, что меня так накроет.

— Забей, никто не ожидал, просто корсет хитрый оказался.

— Тим, сделай кофе, пожалуйста, — жалобно попросила она, — может, полегчает.

— И мне.

Он молча сделал, что они просили. Отрывисто, чуть ли не с грохотом поставил две кружки на стол.

— Спасибо. Ты чего сегодня злой такой? — подозрительно поинтересовалась Василиса, обхватывая кружку подрагивающими пальцами.

— Нормальный! — резче, чем нужно ответил он, и отошел.

— Я тебе потом скажу, почему его ломает, — хмыкнул Никита, смерив его насмешливым взглядом, — когда вырастешь.

Вот козлина! Метнул в его сторону взгляд, преисполненный ледяной ярости, и отвернулся. Васька ничего не поня-

ла, лишь пожала плечами и принялась за кофе, стеклянным взглядом вперившись в стену.

Спустя некоторое время встрепелась и хитро взглянула на друга:

— Ты мне так и не объяснил. Куда ты вчера в самом начале пропал в клубе? И вернулся потом с помадой на одной щеке и красным отпечатком ладони на второй? Как ты умудрился так быстро бабенку найти? Даже для тебя пятнадцать минут — это чересчур малый срок. Да еще так, чтобы по морде получить. Явно кто-то свой был! Колись! Ты уже и на Ви-Эйре успел начудить?

— Ну... — Лазарев чуть сконфуженно потер шею, пытаясь подобрать слова, — я... это... Пфф.

— Я тебе потом скажу, куда и с кем он уходил, — не сдержался Тимур, в точности копируя фразу Ника, — когда вырастешь.

Лазарев тихо зашипел:

— Ладно. Уел. Один — один, — согласился, слегка усмехаясь, — учти, я все записал.

— Поздравляю.

Василиса переводила растерянный взгляд с одного на другого, а потом подозрительно поинтересовалась:

— Ребят, я вам, случайно, не мешаю? У меня такое чувство, что вы тут о чем-то своим беседуете, а я как бы и не при делах. Может, просветите?

— Ага, обязательно! Когда вырастешь! — чуть ли не хо-

ром ответили оба.

Василиса недовольно поджала губы и снова уткнулась в кружку кофе, ворча что-то о том, что все мужики одинаковые.

ГЛАВА 2

Василиса

Дальше завтрак проходил в полнейшей тишине. Никита флегматично рассматривал содержимое своей тарелки и, похоже, размышлял о вселенских проблемах. Тимур колдовал у плиты и, судя по резким движениям, по-прежнему на что-то злился. Я же мечтала просто поспать. Стечь со стула на пол, свернуться в клубочек и заснуть. И пусть через меня перешагивают, спотыкаются о мое почти бесчувственное тело. Плевать.

В голове мутной пеленой растекалось похмелье, отдавая слабостью, звоном в ушах и горьким привкусом во рту. Каждое, даже самое незначительное движение, заставляло морщиться и вызывало шторм в желудке.

Не думала я, что вчерашнее веселье так скажется. Ох, не думала. Мне казалось, что от пары-тройки бокалов шампанского ничего не будет, и в результате бездарно напилась. Вот они — отголоски корсета и лекарств, которыми травилась последние месяцы. Наложилось одно на другое и вышло мне боком.

Ладно, хоть Лазарев начеку был и не позволил окунуться во все тяжкие, заботливо отбирая стакан за стаканом. Подняла мутный взгляд на друга и хмыкнула. Бедняга, ему тоже хреново. Допомогался, спаситель мой.

Еда не вызывала никакого воодушевления. Учитывая тот факт, что мой персональный ад закончился, и я теперь не должна насиловать себя, наедая килограммы, просто отодвинула тарелку в сторону.

Реакция последовала незамедлительно. С обеих сторон. По спине полоснуло горячим взглядом, а Никита по привычке грозно произнес:

— Чу, опять? Ешь, давай! Или силой кормить будем! Тимур подержит, а я запихивать буду!

— Ха! — фыркнула, поднимаясь из-за стола. — Все, няньки, уймись! Я теперь хочу — ем, хочу — не ем.

Ник открыл было рот, но потом нахмурился и махнул рукой:

— Черт, — пробасил, поднимаясь на ноги, — я и забыл, что тебя починили.

Я направилась прочь с кухни, оставив парней. Все мысли были заняты эротическими фантазиями на тему «я и мягкая постелька». Но стоило пройти половину коридора, как раздался хриловатый голос Лазарева:

— Не торопись, Вась. Пойдем, поговорим.

— Я спать хочу, — простонала я, понуро свесив руки и запрокинув голову, всем своим видом демонстрируя вселенскую печаль.

— Вот сейчас поговорим, и поспишь, — поравнявшись со мной, небрежным дружеским жестом приобнял за плечи и настойчиво потянул к двери в свою комнату.

С тяжёлым вздохом я сдалась и позволила ему себя увести. Тем более душу грела мысль, что у него тоже есть кровать. Мне сейчас любая горизонтальная поверхность в радость. Пусть вещает что хочет, как хочет, а я подремлю.

Ник с трудом сдерживал усмешку. Что его так развеселило — непонятно. Наверное, думал о том, какая я чудесная в это прекрасное похмельном утро.

Оказавшись в его комнате, я тотчас завалилась поверх пестрого покрывала, притянув к себе единственную подушку.

— Чу, — Лазарев недовольно сложил руки на груди, — сначала говорим, а потом ты спишь!

— Угу, — уже сквозь полудрёму ответила ему, — вещай, я вся во внимании.

— Во внимании она, — проворчал Ник, устраиваясь рядом, — подушку отдай!

— Фигу! — обхватила ее руками покрепче и блаженно вздохнула.

Он что-то пробубнил о наглости человеческой, но слова не нашли отклика в моей дремлющей душе, и я с легкостью от них отмахнулась.

— Вчера, пока тебя ждали, приехала твоя разлюбимая подруга.

— Таська? — пробубнила сквозь подступающий сон.

— Нет. Марика.

— Она мне не подруга.

— Васенька, это ирония была, — насмешливо произнес он, и мне нестерпимо захотелось толкнуть его в бок, но руки и ноги не слушались.

Никита тем временем улёгся на живот и упёрся подбородком в сложенные перед собой руки:

— Эта звезда пристала к твоему Тимуру, — ворчать я уже и не пыталась, только протестующе замычала, услышав слово «твоему». Друг даже не обратил внимания, задумчиво продолжив: — она с видом царицы несла какой-то бред. Если честно, особо не слушал, но одна фраза всё-таки насторожила...

— М? — снова промычала, выражая крайнюю заинтересованность.

— Она заявила, что ты все равно не сможешь удержать его при себе, потому что есть законный способ вернуть его обратно.

О как! Глаза сами распахнулись.

— Что за законный способ?

— Понятия не имею, — он пожал плечами.

— Может, блефует?

— Вась, непохоже. Я ее плохо знаю, но по жестам, мимике, интонации она походила на человека, который уверен в своих словах.

Сказать, что меня это напрягло — значит, ничего не сказать. Черт, неужели есть лазейка?

Проснувшийся страх потерять Тимура сплелся с ярост-

ным желанием поехать к белобрысой змее и повыдирать все косы, чтобы неповадно было к нам соваться. Как же надоела эта озабоченная мартовская кошка, переходящая все рамки в своём стремлении добраться до Тимура! Моего Тимура!

— Ты давай спи, а я, пожалуй, пока почитаю законы Ви-Эйры о рабстве. Планшет твой где?

— В моей комнате, на столе.

— Пойду возьму, — неторопливо поднялся на ноги и побрел к выходу. Правда через несколько шагов остановился и приподнял ближе к глазам край футболки, — и ведь ни один паразит не сказал, что наизнанку!

Недолго думая, через голову стащил футболку, вывернул и уже собрался надеть обратно, но в последний момент ухмыльнулся и отбросил ее в кресло. Надо же, жаркий какой!

Перевернувшись на спину, уставилась рассеанным взглядом в потолок, мыслями возвращаясь к вчерашнему дню. К тому, с каким трепетом сидела в салоне, пока мастер колдовал над прической и макияжем. Как млела, рассматривая своё отражение в зеркале. Это непередаваемое ощущение эйфории, триумфа от того, что все на месте, все вернулось. А ещё трепет от мысли, что предстану в нормальном виде перед Поросёнком, который считает, что я на женщину нормальную не похожа. Мне до замирания сердца хотелось увидеть именно реакцию Тимура, не гостей, не Марики, а именно его.

Никита встретил белозубой улыбкой и хитрым взглядом,

представил меня остальным как коллегу Наташку, а я стояла и боялась шелохнуться, боялась посмотреть в сторону единственного человека в этой комнате, чье мнение действительно было для меня важно. Когда с Никитой подошли к нему ближе, еле сдерживалась, чтобы не дрожать, не заламывать нервно руки и не грызть ногти. Тимур встретил спокойным взглядом из разряда «ну и?».

Не узнал.

Не понял, что девушка перед ним и Василиса Прекрасная — это один и тот же человек. Меня окутали двоякие чувства. С одной стороны — азарт, игривость, а с другой — небольшое разочарование. Наверное, все-таки ожидала, что он с первого взгляда поймет, что это я, схватится за сердце от неопишуемого восторга.

Не схватился. Занимался своими делами, не обращая внимания на присутствующих. Время от времени перехватывала его непонятный взгляд на гостей или на нас с Никитой. В этом взгляде много всего было намешано: и тоска, и еле скрываемое раздражение. Понимала, что ему хотелось уйти и не видеть веселящихся свободных людей.

Ничего, Тимур, терпи, немного осталось. Два месяца. Ты и не заметишь, как они пролетят. Раз — и свободен.

Именно тогда в голове будто перемякнуло. У меня родилась шальная идея, которая моментально захватила: что если я ему слова не скажу о скором освобождении? А в день, когда произойдет деактивация чипа и все оковы спадут, сде-

лаю ему сюрприз? Я даже представила, как изумленно вскинет на меня темный взгляд, не веря своему счастью. А потом... Потом уйдет, будто никогда его и не было. Горько. Но эта горечь имела светлый привкус.

...Ник вернулся в комнату минут через десять, неся в руках планшет и зажимая подмышкой мою подушку, которую я у него тут же отобрала. На губах парня играла хитрая и довольная улыбка, как у напакостившего кота. Злорадствовал, наверное, глядя на растрепанную подругу, нежно поглаживавшую бочок подушки.

Он плюхнулся на вторую половину кровати, приложил свою подушку к стене, привалился к ней спиной и включил планшет. Всегда завидовала его способности быстро приходить в себя после любой гулянки. Я до вечера как вареная буду, а он с каждой минутой все бодрее. Профессионал.

В груди шевельнулась совесть.

Надо бы тоже порыться в законах, поискать зацепки, которые могут помочь Марике забрать Тимура, но сил не было, глаза слипались. От меня сейчас толку — ноль.

Поэтому устроилась поудобнее, натянула на себя все одеяла и, блаженно зевнув, прикрыла глаза. Посплю часик, в себя приду и помогу Никите.

Тимур

Сегодня Тимура бесило все. Это утро, эта кухня. Хозяйка растрёпанная, полусонная, в растянутой футболке. Друг ее

сволочной, успевший за время завтрака раз пять поддеть так, что с трудом удавалось сдерживаться. Глазастый, пронизательный, словно читающий мысли.

Ему хотелось, чтобы все поскорее свалили с кухни, и он смог спокойно заниматься своими делами, не заходясь с каждой секундой все больше.

Отвернувшись к окну, краем глаза он заметил, что первой ушла Васька, а следом за ней поднялся Ник:

— Погоди, поговорить надо...

Сам того не желая, в несколько тихих размашистых шагов подошёл к дверям и выглянул в коридор как раз в тот момент, когда Лазарев, обнимая за плечи, завел Чу в свою комнату. Не сдержавшись, Тим зло выругался себе под нос. Вот не насрать ли ему? Пусть куда хотят, туда и идут! Ему-то что?

Ещё злее, чем был, вернулся в кухню. Внутри непонятно почему все ходуном ходило. Недоумевая от непонятно откуда взявшихся собственнических замашек, принялся готовить, надеясь, что это поможет отвлечься.

Что бесится из-за того, что Василиса проводит все свободное время с другом, Тим уже понял, ещё до того как Васька сняла корсет и преобразилась. И про ревность неожиданную тоже давно понял. Но то, что творилось в душе сейчас, выходило за рамки его понимания.

Тогда он был уверен, что эти двое просто близкие друзья, и ревность играла совершенно другими красками. Его про-

сто задевало, что человек, с которым он привык проводить бок о бок каждый божий день, переключился на другого. Что ее внимание, которое так раздражало вначале, принадлежало не только ему, а ещё и наглому Ботанику.

А теперь все внезапно приобрело совершенно иной оттенок. Тимур внезапно понял, что его волнует то, что их раньше связывало с Никитой... А может, и сейчас связывает. И больше всего бесило, что никак не удавалось отмахнуться от этих мыслей, не удавалось убедить себя в том, что его это вообще не касается, не должно волновать.

Лазарев вернулся минут через десять со словами:

— Сушняк замучил, — налил холодной воды, залпом большими жадными глотками выпил, как неделю проживший в пустыне человек.

Тимур лишь мельком посмотрел в его сторону и снова отвернулся. В одних спортивных штанах, с голым торсом, Никита стоял, опираясь на стол рукой, и устало потирал глаза. Несколько раз зажмурился, потрянул головой, налил ещё воды, и только после этого направился прочь, даже не взглянув на Тима.

Он раздражённо скрипнул зубами, провожая взглядом широкоую спину. Какого хрена он тут бродит в полуголом виде? Какого хрена он вообще в таком виде?

Тихий хлопок оповестил о том, что дверь за Лазаревым захлопнулась.

— Да твою ж мать! — с силой отшвырнул в сторону по-

лотенце.

Должно быть похеру на все целиком и полностью, а вместо этого балансировал на грани самообладания!

Лазарев, сука, специально выводил его из себя, красовался. Это же ясно как божий день! А вот что непонятно, так это на хрена ему это надо? Заскучал? Чего он хочет добиться? На выяснение отношений вывести? Или что?

Давясь злостью и раздражением, Тимур делал дела и как ни пытался отстраниться от ненужных мыслей, то и дело прислушивался — какого хрена они там делают?

Наплевать!

Чем можно заниматься столько времени вдвоем в закрытой комнате?!

Его это не касается. Пусть что хотят, то и делают!

Перед глазами спина Лазарева.

Рыкнул на самого себя за непонятные порывы. Все, хватит! Быстрым шагом прошел по коридору и выскочил на крыльцо, хлопнув за собой дверь.

На хрен всех!

В гараже быстро нашел себе дело и с остервенением радовался, что хоть так может отвлечься от хаоса внутри самого себя.

Погрузившись в работу, полностью отстранился от окружающего мира, лишь изредка выныривая из размытых мыслей. В один из таких моментов понял, что в гараже не один. Кожей ощутил присутствие другого человека. Пристальный

взгляд в спину. Резко обернувшись, обнаружил Никиту, стоявшего недалеко от входа.

Парень курил, не торопливо делая затяжки, заправив одну руку в карман джинсов.

Тимур почувствовал, как глаза застилает красная пелена, руки сжимаются в кулаки. В этот момент он ненавидел Лазарева. За эту его ленивую манеру держаться, за цепкий взгляд и вечную ухмылку. Захотелось вмазать от души. Зонд моментально отреагировал, послав болезненный импульс в мозг.

Тим попробовал взять себя в руки, отогнать кровожадное наваждение. Вдохнул, задержал на несколько секунд дыхание и медленно выдохнул. Зажмурился, пытаясь справиться с мыслями. Эх, давно его так не скручивало! Уже успел забыть — каково это, когда в голове начинается огненный ураган.

Никита с досадой покачал головой, подошёл и остановился рядом, в опасной близости.

— Настолько хреново? — серьезно поинтересовался без тени усмешки.

— Все нормально, — Тимур пожал плечами, с трудом удерживая себя от импульсивного поступка, и от того, чтобы не морщиться от боли, окольцовывающей голову.

— Да ладно врать! Тебе настолько хочется мне вмазать, что еле держишься, и мозги кипят от боли.

Тимур резко перевел взгляд на него, хотя до этого упря-

мо смотрел в сторону. На верстак, на машину, на темное окно, но не на эту ухмылявшуюся физиономию. Хотя сейчас от ухмылки не осталось и тени. Лишь пронзительный въедливый взгляд, настойчиво рассматривавший, что скрывается за рушившейся маской.

— Не понимаю, о чем ты, — упрямо хмыкнул Тим, мечтая, чтобы Лазарев испарился, исчез, телепортировался на любую другую планету.

— Ну-ну, — Никита сделал глубокую затяжку, а потом выпустил к потолку тонкую струйку дыма, удерживая сигарету губами. Отойдя чуть в сторону, привалился боком к столу, заваленному инструментами, пару минут молчал, а потом, не отрывая задумчивого взгляда, спросил: — Ты когда-нибудь слышал про синдром заложника?

— Нет, — сухо отрезал, пытаясь пресечь дальнейшие разговоры.

— Это аномальное психологическое состояние, — продолжал Лазарев, игнорируя раздраженный ответ. — при котором потенциальная жертва спустя некоторое время начинает симпатизировать своему надзирателю, мучителю. При этом изначально ничего, кроме страха и ненависти, между ними не было.

— Ты решил сразить меня своими познаниями психологии?

— Ты дальше слушай, — снова отмахнулся Лазарев. — Это достаточно редкое явление, и для того чтобы син-

дром развился, необходимо определенное стечение обстоятельств. Во-первых, жертва должна быть изолирована от всего мира и от общения с кем-либо, кроме агрессора. Ничего не напоминает

Никита говорил спокойно, размеренно, наблюдая за реакцией молчаливого собеседника. Тимур, нахмурившись, развернулся к нему вполоборота, пытаясь понять, к чему клонит Василисин друг. Хочет сказать, что он — псих с каким-то там синдромом? Невольно сжались кулаки.

— Во-вторых, жертва должна быть уверена в том, что путей спасения нет, — невозмутимо продолжал Лазарев, — должна бояться обидчика, расправы и испытывать подавленность. И на фоне всего этого спустя некоторое время возникает иррациональная привязанность.

— На хер ты мне это говоришь?

— Повышаю уровень твоей образованности, — холодно парировал Лазарев, — я тебе сейчас рассказываю про эту лажу не просто так.

— Диагноз собрался поставить? — рыкнул Тимур, чувствуя, что ещё пара мгновений — и сорвётся. И плевать на последствия. Будь что будет.

— Легко, — Лазарев до отвратительного невозмутим, — этот синдром — первое, о чем я подумал, когда Василиса рассказала, что ты перестал вести себя как хроническая свинья. Сработала привязка раб-хозяйка. Когда приехал сюда, решил понаблюдать, посмотреть, верны ли мои догадки.

Провоцировал тебя, чтобы увидеть реакцию.

— Ну и как? Удалось? — нужно успокоиться, в ушах уже кровь пульсирует. Сейчас точно мозги превратятся в кашу.

Никита пожал плечами:

— Одно я могу сказать наверняка: синдром заложника — ни хрена не твой случай. Я в этом уверен. Васька — не агрессор, никогда им не была и не будет. А тебе, несмотря ни на что, чужда психология жертвы. Да и не боишься ты никого.

— Спасибо за благую весть, а то я уже начал было переживать.

— Благую ли? — все тот же холодный изучающий взгляд. — Эта хрень многое бы объяснила. И то, что ты явно переживал за нее, ждал возвращения, а ещё откровенно бесился из-за нашего общения. То, что вчера ночью чуть не прибил меня, когда я пытался завалить Ваську спать. А сегодня, я думал, точно не сдержишься, когда мы ушли после завтрака.

Тимур, уже не скрываясь, по-волчьи смотрел на Лазарева, тяжело дыша, сжав кулаки и стиснув зубы так, что желваки на скулах играли.

— Все это можно было бы прекрасно объяснить именно с позиций синдрома. А так, — Ник пожал плечами, — выводы напрашиваются совсем другие. И тебе они вряд ли понравятся. Кстати, если это важно, то Чу просто дрыхнет в моей комнате, и не более того. И что бы между нами ни было, это осталось в прошлом и повторения не нужно ни мне, ни ей. Говорю это не для того чтобы тебя порадовать. Я че-

рез несколько дней уеду, а вы с Васькой останетесь. И я не хочу, чтобы ты трепал ей нервы из-за своих подозрений.

— Ты, вообще, о чём, я что-то не понимаю? — иронично спросил Тимур, пытаясь игнорировать бешено метавшееся сердце.

— Не понимай дальше, — Ник с готовностью кивнул, — дело твоё. Просто хочу, чтоб ты знал. Все, что ты сегодня видел — это чисто мои действия, чтобы вывести тебя на реакцию.

— Вывел? — сквозь зубы процедил Тимур, чувствуя, как закипает, но уже по-другому. Желание наброситься на Лазарева волшебным образом отступило, гася боль, но вот поскандалить хотелось просто нестерпимо.

— Все что нужно, я увидел, — Никита лишь пожал плечами.

— Доволен?

— Отнюдь. Хочу, чтоб ты знал: если обидишься ее — я тебе морду набью.

О, а вот и угрозы физической расправы — с каким-то извращённым удовольствием подумал Тим, в очередной раз убеждаясь, что вольным верить нельзя.

Словно прочитав его мысли, Лазарев прохладно добавил:

— Нет. Даже не думай прикрываться своим рабским положением. Я сейчас говорю с тобой не как вольный с рабом, а как мужик с мужиком. Обидишься ее — пеняй на себя. Я предупредил, — откинул окурок в сторону и вышел из гара-

жа.

Тимур так и остался стоять, глядя ему вслед и невольно прислушиваясь к лёгким удаляющимся шагам. Потом с тяжёлым вздохом опустился на старый испачканный краской стул и раздражённо потёр шею. Непонятные слова Лазарева раскатами звучали в голове, вызывая какие-то странные ощущения, будто тянуло где-то в груди от непонятной тоски.

ГЛАВА 3

Василиса

Приоткрыв один глаз, нахмурилась.

Это я где?

Открыв второй глаз, осмотрелась вокруг. Комната Лазарева.

А что я здесь делаю? Ах да, мы говорили. Он мне про Марику рассказывал, а потом я бессовестно заснула. Судя по сумраку в комнате — проспала долго... очень долго.

Стыдоба.

Где сам Лазарев?

Ладно, потом разберусь. Себя в порядок надо привести.

Зевая и мотаясь из стороны в сторону, я вышла в коридор. В кухне горел свет. Там кто-то хозяйничал. Тимур или Никита? Неважно. Направилась печальной тенью в свою комнату. Забралась в душ — настоящий, а не воздушный — и блаженно зависла под тёплыми струями. Хорошо-то как!

Спустя некоторое время выбралась из кабинки, с удовольствием ощущая душевный подъем. Вытерлась, замотала волосы полотенцем и остановилась у зеркала. Сама того не желая, задержала дыхание и с трепетом перевела взгляд на зеркальную поверхность.

— С возвращением, — прошептала себе, прикоснувшись кончиками пальцев к холодной зеркальной поверхности, —

с возвращением...

Только сейчас поняла, что главный человек, ради которого хотелось измениться — это не Тимур. Это я сама.

В кухне хмурым взглядом встретил Тимур. Кто-то по-прежнему не в духе?

Черт, как же все сложно с ним! Когда же он избавится от своих демонов и перестанет вести себя вот так: то оттаивая, то снова выпуская шипы? Глупый вопрос. Освободится от оков — освободится и от демонов. Все просто.

Эх, терпение, Васька, терпение.

Сама себе пожелала и тотчас поморщилась — не надо мне терпения. Я хотела другого. Я устала постоянно терпеть. Тепла хотела. Чтобы заходя в кухню, видеть не хмурый взгляд, а улыбку...

Что-то я размечталась. Внешность исправила и словно розовые очки на глазах появились, хочется, чтобы мир тоже стал светлым и радостным. Глупая.

Из размышлений на философские темы вывел вопрос Тимура, заданный спокойным тоном, но где-то на заднем фоне притаился сарказм:

— Как самочувствие?

— Уже лучше. Здоровый сон творит чудеса.

Тимур лишь снисходительно усмехнулся.

— Куда Лазарев делся? Он, вообще, дома или уехал?

— Дома, — холодно ответил Тим, — в гостиной на твоём любимом диване лежит.

— Спит, что ли?

— Понятия не имею, я за ним не слежу. Что-то читал вроде.

Я стыдливо отвела глаза. Читал что-то. Это я весь день проспала, а Лазарев законы читает, пытаюсь понять, что задумала Марика.

— Есть будешь? — спросил Тимур, рассматривая меня исподлобья.

— Нет... Да... Не знаю... — растерянно развела руками. Вроде есть хотелось, но желудок болезненно сжимался от одной мысли о еде.

Проблему за меня решил Тимур:

— Сейчас погрею.

Усевшись за стол, я рассеяно чертила невидимые узоры на гладкой поверхности. Странное ощущение. Так хотелось измениться, показать ему, какая я на самом деле. А теперь словно набрала воды в рот. Думала, все будет легко и весело, а вместо этого ощущала себя не в своей тарелке. Будто броню защитную скинула, и от этого нестерпимо хотелось спрятаться, укрыться.

Как ни глупо это звучит, но перед Тимуром в корсете я чувствовала себя увереннее, чем сейчас. Я смущалась, давилась чувством, когда хочется поговорить, но все темы ускользают, кажутся глупыми, несущественными.

Да что за напасть?!

Как за спасительную соломинку ухватила за еду. Подра-

гивающими пальцами обхватила вилку и, не отрывая взгляда от тарелки, ела, не чувствуя вкуса. Тимур тоже молчал, хотя чувствовала, что периодически смотрит на меня. В эти моменты безумно хотелось посмотреть в ответ, но вместо этого ещё ниже склоняла голову.

Да что же все так сложно?!

Наше молчание тяготило, пару раз я набирала воздуха в лёгкие, чтобы начать говорить, но в последний момент слова застревали в горле, и я просто шумно выдыхала.

Ситуацию спас Лазарев. Хмурым взглядом смерил парня, который моментально подобрался, потом не менее хмуро посмотрел на меня.

— Тимур, оставь нас, — ровным голосом попросил, направляясь ко мне.

Тим чуть удивлённо вскинул брови, хмыкнул, с показным равнодушием откинул в сторону полотенце и неторопливо ушел к себе. Я проводила его взглядом, а потом непонимающе уставилась на Никиту:

— Вы поругались?

— Даже не думали, — отмахнулся он. Подойдя ближе, положил передо мной планшет, — читай.

Под ребрами неприятно кольнуло, когда увидела, что он подсовывает: закрытый раздел, статья 19.7 «Отзыв дарственной на раба».

— Думаешь, это оно? — зачем-то спросила.

— Оно, Вась, оно, — убеждённо ответил Лазарев, устра-

иваясь напротив.

Стараясь не обращать внимания на нараставший с каждой секундой гул в ушах, беглым взглядом заскользила по строчкам.

«Согласно правилам... При наличии подтверждения... В случае ненадлежащего содержания раба дарственная может быть отозвана...»

— Ненадлежащего содержания? — уточнила охрипшим голосом. Он что, животное? Я должна его кормить, мыть, выгуливать, чтобы обеспечить надлежащее содержание? Вычёсывать, делать прививки и менять опилки в клетке? Так? Словами не передать насколько стало отвратительно на душе. Ненавижу Ви-Эйру!

— Нет, Чу, — Ник сразу понял, о чем я думала, — под надлежащим содержанием здесь понимается содержание его так, чтобы не представлял угрозы вольным.

— Он не представляет угрозы, — пальцами отодвинула планшет к Нику.

— Фиолетовая татуировка говорит об обратном. У него статус опасного раба.

— И что?

— Он должен всегда быть в браслетах, а тем более на людях и в общественных местах.

Смотрела на Лазарева, досадливо поджав губы.

— Тимур за все время пребывания у меня ни разу не надевал браслеты. Он ведь дома. В своём доме делаю, что хо-

чу? — вроде утверждала, но будто спрашивала.

— Нет, Вась, — Никита покачал головой, — если бы он был обычным рабом, то да. Дома могла бы делать, что хочешь, а с его статусом исключений нет — браслет должен быть всегда. В последнюю встречу Марика первым делом поискала взглядом браслет на его руке, теперь понимаю почему. И это еще не самое неприятное.

— Не самое? — шумно выдохнув, потеряла виски.

— Да, — Лазарев подтянул планшет к себе, несколько раз нажал на экран и подтолкнул гаджет в мою сторону.

Передо мной появилась другая статья. 19.14. «В случае отзыва дарственной все распоряжения предыдущего хозяина утрачивают силу... включая подачу заявления на освобождение».

Сердце подскочило в груди, когда я раз за разом читала эти строки.

— Что же это получается... — сдавленно прошептала, — все пойдет псу под хвост, если Марика отзовёт дарственную?

Никита сдержано кивнул:

— Если она докажет, что ты опасного раба содержала ненадлежащим образом, то заберёт его. Соответственно, и все остальное потеряет смысл.

— Черт! — вскочив с места, начала мерить шагами кухню, потирая лоб и пытаясь собраться мыслями.

— Она точно знает, что Тимур у тебя без браслетов всегда. Ей нужны будут свидетели, которые подтвердят этот факт.

Или кадры, на которых ясно видно, что Барсик твой оков не носит.

Прикидывала, могла ли эта змея сфотографировать Тимура, и с раздражением понимала, что у нее для этого был миллион шансов!

Дура! С этим лечением и выздоровлением все навыки потеряла. Позволила себе непростительную беспечность, хотя знала, что белобрысая хочет забрать Тимура себе. Чуть не зарычала от досады за такую оплошность, которая может очень дорого стоить мне, и ещё дороже Тиму. Ладно, браслеты я его заставлю надеть. Да он и не будет сопротивляться, когда узнает, что Марика реально может его забрать. Тут проблем не возникнет. Парень хоть и с дурным характером, но разумный. А вот как с Власовой?

На хрена я ее вообще позвала на это мероприятие?

Хотя, если бы ее не было, то и Лазарев бы не насторожился, пропустил тревожный звонок. Теперь хотя бы есть время подготовиться, принять меры. Вот только какие?

— Так, — заставила себя остановиться, глубоко вдохнуть, успокоиться, — если она все-таки решится пойти законным путем, мне её не сдержать.

— Не сдержать, — согласился Лазарев, — можешь потянуть время, но суд все равно будет на ее стороне.

— Черт, — снова вырвалось, — а если объявить, что он вольнорожденный?

— Не вариант — себя закопаешь. Комитет по правам че-

ловека сразу вцепится в то, что подвергла риску его освобождение, что опять-таки ненадлежащее содержание. Так что даже не думай. Крысе этой тоже достанется, но тебе больше.

— Тогда остаётся одно, — закусив губу, посмотрела на Лазарева, — связаться со старшим Барсадовым.

Никита задумался, а я, пытаюсь убедить то ли себя, то ли его, затараторила:

— Если уж он не поможет, то никто не поможет. Игорь Дмитриевич как никто другой заинтересован в свободе Тимура.

— Так-то да. Но ты ведь понимаешь, что по головке он тебя не погладит за то, что допустила такую ситуацию.

— Переживу.

Лазарев прав, отец Тимура с меня три шкуры спустит, если из-за моей беспечности Тим снова завязнет в этом аду.

Мы прошли в кабинет. Я села за компьютер, а Никита пристроился в углу комнаты, так, чтобы не попадать в объектив камеры. Нажав кнопку вызова, с замиранием сердца ждала ответа.

Минута, две, три. Тишина. Штиль. И паника.

Я и не думала, что Барсадова может не быть дома. Блин, он ведь деловой мужик. Что если он уехал куда-нибудь, и до него не достучаться? Что тогда?

Пыталась дозвониться раз десять и, наверное, так бы дальше и продолжала, если бы Никита не привел в чувство:

— Василис, все, уймись. Нет его. Позже позвонишь. Ма-

рика ведь не собирается вломиться к тебе прямо сейчас.

— Ты прав, — тяжело вздохнув, уткнулась носом в ладони.

— Не паникуй раньше времени.

— Даже не думала, — поднявшись из-за стола, подошла к Лазареву и забрала у него планшет, намереваясь восполнить пробелы в знании законов Ви-Эйры. — Можешь идти спать, а я пока почитаю, заодно буду пробовать связаться с Игорем Дмитриевичем.

До глубокой ночи я просидела над сводом законов, вчитываясь в каждое слово, каждую букву, стараясь не упустить ничего важного. Ловя каждую крупницу, которая могла помочь удержать Тимура. Исписала полблокнота, отмечая наиболее важные и полезные статьи, не зная, что может пригодиться. Не меньше десяти раз пыталась связаться с Барсодовым, и в ответ неизменно была тишина. Чрезвычайно нервирующая, давящая тишина.

Когда время перевалило за полночь, отложила в сторону блокнот, планшет, измученно потерла лицо ладонями и поняла, что больше не могу впитать ни капли информации. Пора спать. Завтра с самого утра продолжу работу, а ещё предстоит не очень приятный разговор с Тимуром. Придется собственноручно надевать ему браслеты. Знаю, что на благо, но зубы ломило от неприятной ситуации, в которой оказались из-за моей беспечности.

В семь утра в кабинете меня уже поджидал сюрприз в виде сумрачного Никиты. Мы друг другу просто кивнули, после чего он снова погрузился в изучение материала.

— Тимур где? — поинтересовалась, подходя к сейфу.

— Ещё не выходил, — не поднимая взгляда, ответил Ник.

Я извлекла на свет Божий два браслета. Экраны светились голубым, глянцевого девственного цвета кнопки чуть поблескивали. Ощущение, будто в руках активированная бомба. Ужасно хотелось избавиться от жутких украшений, отшвырнуть их, растоптать, но вместо этого бережно положила на стол, боясь случайно что-нибудь нажать. По спине бежал холодный пот, меня всю трясло, несмотря на то, что за окном лето в самом разгаре. Попятилась от стола и села рядом с другом, только тут поняв, что почти не дышала.

В полной тишине мы погрузились в чтение, лишь изредка переговариваясь по поводу спорных моментов. Чувство такое, будто на работе, в одном кабинете, поглощены одним делом.

Около девяти услышали, как тихо скрипнула дверь, а потом бодрые шаги Тима. Проходя мимо открытого кабинета, он краем глаза заметил меня и, остановившись, удивлённо спросил:

— Уже встала?

Чуть рассеяно улыбнулась в ответ, кивнула и опять уткнулась в планшет. Тимур, даже если его и удивило мое поведение, не подал виду и отправился дальше.

А дальше все закрутилось с невероятной быстротой.

Раздался размеренный стук в дверь, на который я по привычке и не обратила внимания, лишь раздражённо пожав плечами — гостей не ждала.

— Я открою, — послышался голос Тимура.

— Угу, — буркнула.

Спустя пять секунд, словно всполох молнии, пронзило острое предчувствие неотвратимой катастрофы.

Одновременно с Лазаревым вскинули друг на друга изумлённые взоры, замерли на мгновение, а потом словно по команде сорвались с места в надежде остановить Тима.

Хотела крикнуть, чтобы не открывал, но слова замерли на языке, когда, выскочив в коридор, словно в замедленной съемке увидела, как распахивается дверь... на пороге рослый мужчина в форме пристава и Власова собственной персоной. Оба смотрят на руки Тимура. Без браслетов.

Внутри меня каждый нерв как оголенный провод.

Сука!

Я себя уже ненавидела за этот идиотский праздник в честь возвращения. Мотивы были бледными и необедительными. Покрасовалась, напилась, а самое главное — подтолкнула Змею к решительным действиям.

Тимур обернулся к нам, вопросительно подняв брови. Встретились с ним взглядом, и он все понял, подобрался весь, отступил в сторону. Мы с Лазаревым вышли к пришедшим:

— Чем обязаны? — поинтересовалась я холодно, загнав все эмоции глубоко внутрь. Они сейчас не нужны.

Власова открыла рот, чтобы ответить, но пристав осадил ее предупреждающим взглядом. Понятно. Это или кто-то свой, или белобрысая сунула ему денег. Зараза.

Уверенно перешагнув порог, мужчина смерил меня серьезным взглядом. Не прониклась. Уперев руки в бока, смотрела на него, упрямо игнорируя Марику.

— Чуракова Василиса? — уточнил он без единой эмоции и, получив утвердительный ответ, заговорил витиеватыми фразами, перегруженными профессиональной терминологией, озвучивал именно то, что мы и ждали.

Простой обыватель, услышав такие речи, обычно теряется. Знаю в силу профессии и из собственного опыта — сама таким порой грешила. И мужик это знал, поэтому продолжал самозабвенно грузить ненужными подробностями, озвучивая сопутствующие ненужные статьи.

Стояла, внимательно слушала, кивала, а мысли метались в поисках выхода. Не видела его. Особенно когда он перешел к обоснованию причин. Как мы и предполагали, основная зацепка — браслеты. Гребные браслеты, которые я не успела сегодня надеть, наивно полагая, что у нас ещё есть время! Дура!

Смотрела на Тимура, застывшего в стороне, будто каменное изваяние. Парень был мрачнее тучи, смотрел волком на незваных гостей. Поймала его мрачный взгляд и чуть за-

метно покачала головой, предупреждая любую его реакцию. Пусть стоит, молчит. Главное, чтобы не выкинул ничего такого, что может усугубить ситуацию.

Он смотрел на меня, не моргая, и я мысленно умоляла его поверить нам, не делать лишних телодвижений. Видела, что сжал кулаки, аж костяшки побелели. С трудом сглотнув, ещё раз покачала головой — не смей!

Развернулась к Лазареву. Он слушал, что говорил пристав, не отрывая взгляда от темной папки в его руках. У нас на работе бытует мнение: слова могут быть любыми, но если есть папка, то главное находится в ней. Уж мне ли не знать после того, что случилось со мной.

Что ещё принесла Змея со своим пронырливым помощником? Надо бы узнать сразу, чтобы у них не осталось козырей. Никита, похоже, думал так же, потому что снисходительно произнес:

— Вам не кажется, что доказательства так себе? В данный момент браслеты в комнате, мы их чистим. Если у вас больше ничего нет по этому вопросу, то, возможно, пора прекратить разговор и разойтись по своим делам.

Марика, усмехнувшись, смерила Никиту надменным взглядом, покосившись на своего сопровождающего. Тот с готовностью распахнул папку, извлёк оттуда несколько листов и протянул их мне.

Фотографии. Цветные, яркие. И до неприличия четкие.

Я и Тимур выходим из магазина на заправке. У Тимура

в руках пакет, рукав задрался, открывая объективу фиолетовую татуировку и, самое главное, отсутствие проклятого браслета. Твою мать! Как?! Каким образом эти кадры попали к Марике? Она следила за нами, что ли?

Столкнулась взглядом с Тимуром, чувствуя, как внутри все переворачивается. Он же предупреждал тогда, что будут проблемы! Не послушала! Хотелось быть добренькой?

Верно говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. В груди защемило. Он предупреждал, не желал, чтобы у меня были проблемы, а я отмахнулась, в результате проблемы у него. Большие проблемы, на фоне которых мой страх потерять работу кажется детским лепетом.

— ...таким образом раб по имени Барсик подлежит изъятию и возвращению первоначальному покупателю, а именно Власовой Марике, — тем временем был проведен жестокий итог, — прямо сейчас.

Власова стояла, еле сдерживая самодовольную ухмылку. Пристав с видом победителя, свернувшегося горы, смотрел на нас. Мы с Никитой переглянулись, чувствуя друг друга без слов.

— Куда же так спешить? — улыбнулся Лазарев, при этом глаза его оставались холодными.

— Закон есть закон, — развел руками пристав, — сами понимаете.

— Понимаем, — Ник кивнул, — согласно тому же закону мы можем воспользоваться консультацией специалиста. Не

так ли?

Власова только раздраженно фыркнула, а пристав снисходительно посмотрел на друга, и тоном, будто говорит с неразумным ребенком, начал:

— Молодой человек, специалист перед вами. Можете консультироваться. Но я уже все озвучил, так что предлагаю не терять время даром. Мы забираем имущество и покидаем вас.

При слове имущество я прямо услышала, как у Тимура скрипнула зубы. Захотелось подойти, взять его за руку, поддержать. Только сейчас не до телячьих нежностей, ситуацию вытягивать надо. Я пока не вмешивалась — сначала выход Лазарева, у него такие вещи лучше получаются.

— Э-э не-ет, — Никита подошёл ближе к приставу, — вы не поняли. Я говорю о статье 14.8 закрытой части Гражданского права. Которая гласит о том, что любой гражданин имеет право на квалифицированную помощь специалиста при возникновении угрозы конфискации его имущества. Причем волен выбирать того специалиста, в котором уверен и которому доверяет.

Дальше он процитировал саму статью, точно копируя интонацию пристава. Тот мрачнел на глазах, когда до него начало доходить, что перед ним не простой обыватель, а человек, свободно владеющий нормами, который так же легко может бросаться профессиональными терминами и выдавать заумные речи.

От меня не укрылся его быстрый досадливый взгляд на Марику. Похоже, дядька не ожидал такого приема, думал, что все пройдет быстро и безболезненно. Не дождетесь!

— На получение консультации отводится три часа. До этого времени пристав не имеет права на конфискацию и любые действия по отношению к спорному имуществу. Вроде так? Я ничего не путаю?

— Нет, — сквозь стиснутые зубы выдавил мужик.

— Да что за бред?! — взвилась Марика. — Все, он без браслета и дома, и на людях, поэтому я его забираю! Какие три часа?!

Лазарев проигнорировал ее, не отрываясь, глядя на пристава:

— Клиентку свою утихомирьте, пожалуйста.

У того заходили желваки на скулах. Понял, что просто так никто не собирается им уступать, и нахрапом дело не решить.

— Марика, послушайте, молодой человек все правильно сказал. Хозяйка в своём праве. Она может воспользоваться консультацией специалиста, — потом в его взгляде скользнули злорадные нотки, — у вас есть три часа, начиная с этого момента.

Он зафиксировал время в своей папке.

— Так же, раз вы так хорошо осведомлены, хочу вам напомнить главное условие. Во избежание нежелательных действий с имуществом, вопрос о конфискации которого под-

нят, оно должно находиться под контролем пристава это время. Так что пока вы звоните, ищите специалиста, который все равно подтвердит законность наших требований, как бы вам ни хотелось обратного, раб должен находиться здесь, при мне. Никаких тайных отводов в другие помещения или закрытых разговоров.

Скотина! Мне так хотелось утащить Тимура в сторону и сказать, чтобы не смел дёргаться, был тише воды ниже травы. Теперь остаётся только надеяться на его благоразумие, если вообще можно о нем сейчас говорить. Это же Тимур! Он никогда не отличался сдержанностью.

Я смотрела на него, чуть ли не умоляя взглядом. Только не подведи! Только не вспыли! Марика тебя не получит, я обещаю!

Тимур на меня не смотрел. Взгляд в пол, кулаки сжаты, дыхание тяжёлое.

Пристав прошел чуть вперед, указал на стул и спросил:
— Позволите?

Мне не оставалось ничего иного, кроме как кивнуть. Потом я обратилась к Тиму:

— Ты тоже садись.

Мне плевать на всех остальных, я не заставлю его стоять три часа как на витрине под их взглядами. Тимур механически выполнил мое указание, опускаясь на другой стул. Мыслями он был где-то в другом месте.

— Блеск! Три часа псу под хвост! — раздражённо выдала

Марика и, сложив руки на груди, направилась к дивану. Села, закинула ногу на ногу, всем своим видом излучая недовольство.

Я завелась до небес, глядя на эту сучку, но сдерживала эмоции и бесстрастно обратилась к мужику:

— Насколько я помню, пристав должен находиться три часа рядом с имуществом.

— Все верно, — с готовностью кивнул он и сам процитировал нужную статью.

— Спасибо, — молодец, дядя, то, что надо. Я подошла к двери, распахнула ее и, глядя на Власову, громко сказала: — На выход!

— Ага, сейчас! — фыркнула она. — Я здесь по делу, так что...

— По делу здесь он, — кивнула я на пристава, — и он сейчас четко озвучил, что только пристав имеет право находиться здесь три часа. Всех остальных это не касается. На выход.

Марика, вспыхнув, посмотрела на него. Мужчина, недовольно поджав губы, кивнул, подтверждая мою правоту. Он уже явно был не рад, что связался с нами. Одно дело — грузить простофиль, и совсем другое, когда встречаешь людей, знающих не меньше тебя.

— Я никуда не пойду! — холодно ответила Марика, смерив его презрительным взглядом.

— Хорошо, тогда я подам иск за незаконное вторжение на

частную территорию.

Власова сердилась, смотрела на пристава в поисках поддержки, но он лишь пожал плечами. В гостиной повисла тишина. Все смотрели на белобрысую. Я — настойчиво распахнув дверь. Лазарев — тяжёлым взглядом исподлобья. Тимур — холодно, пытаясь спрятать ярость за маской равнодушия. Пристав — явно не собираясь ей помогать.

Наконец, девица поднялась на ноги и, раздражённо виляя задом, направилась к двери. Поравнявшись со мной, ядовито произнесла:

— И что? Думаешь, что-то изменится от этого? От того, что я не здесь, а на крыльце?

— Никакого крыльца. Десять метров от моего дома, в противном случае буду считать это злостным нарушением моих границ.

Она чуть не зашипела и выскочила на улицу. Не глядя на нее, я захлопнула дверь и, кивнув Никите, направилась в кабинет. Проходя мимо Тимура, чуть заметно сжала его плечо, чувствуя, насколько он неподатлив, напряжен. Ничего, провёмся.

Ворвалась в кабинет, следом за мной влетел Лазарев:

— Звони Барсадову!

— Без тебя знаю, — я уже включала компьютер.

Господи, только бы он был дома!

Опять унылые гудки, разрывающие душу в клочья. Опять чувствовала, как стены давят на меня, не давая вздохнуть.

Хуже, чем в корсете.

— Пожалуйста, ответь, — беззвучно шептала, — ответь.

Гнала прочь страшные мысли о том, что будет, если абонент не откликнется. Мне нужен трезвый ум, не замутненный паникой. Облокотившись на стол, уткнулась лицом в ладони, пытаюсь настроиться, успокоиться. Момент, когда экран ожил, пропустила, поэтому вздрогнула, услышав сдержанное:

— Чем обязан?

Раздвинув пальцы, посмотрела на отца Тимура, не веря своему счастью:

— Здравствуйте, — кивнула, нервно поправляя волосы. Этот мрачный мужик с пронзительным взглядом, как и в первый раз, действовал на меня угнетающе.

Игорь Дмитриевич молча рассматривал меня почти минуту, после чего невозмутимо произнес:

— Поздравляю.

— Спасибо, — голос от волнения осип. Эх, накрутит он мне сейчас хвост.

— Так гораздо лучше, — он, не стесняясь, изучал меня.

Кивнула, краем глаза уловила, что Лазарев активно показывает на время.

— Ты ведь названиваешь со вчерашнего вечера не для того чтобы попроситься на комплименты, — Барсадов тоже не любитель ходить вокруг да около, — у вас все нормально?

— Нет, — покачала головой, — у нас беда.

Тёмные глаза стали цепкими, колючими:

— Слушаю.

Я торопливо, чуть путаясь, выложила ему все события, что происходят в моем доме. Про нашу прогулку, про Змею Белобрысую и ее стремление заполучить Тимура, про пристава, который сидит в моей гостиной и ждёт, когда пролетят три часа, чтобы увести его от меня.

Сначала Барсадов слушал, лениво откинувшись на спинку кресла, потом выпрямился, потом упёрся локтями и наклонился ближе к экрану, ловя каждое мое слово.

Взгляд не предвещал ничего хорошего. Вот только для кого? Для Белобрысой Гадины или для меня? Опять гнала страхи прочь, продолжая свой рассказ. Да, виновата, но сделаю все, чтобы исправить ситуацию. Вот только без его помощи ни мне, ни Лазареву это не по силам.

С рассказом закончила в рекордные сроки — три минуты, чуть ли не речитативом. За все время Игорь Дмитриевич не задал ни одного вопроса, просто слушал, не отрывая от меня пронзительного взгляда.

— Кто, кроме тебя, в комнате? — внезапно задал вопрос, выбивший меня из колеи. Хлопала глазами, удивлённо глядя на него. — Я не люблю, когда прячутся в стороне.

Сглотнув, ответила:

— Никита.

— Ну так пускай выходит из тени.

Вроде спокойная фраза, но волосы на загривке зашевели-

лись. Потому что это ни фига не просьба — приказ. А ещё потому, что я отчаянно не хотела втягивать Ника во все это болото. Ладно, я — уже увязла по самые уши, так что не выплыть, но его топить не собиралась. Бросила на Лазарева быстрый взгляд. Парень стоял, привалившись плечом к двери, и, нахмурившись, потирал подбородок. Потом легко выпрямился и подошёл во мне, остановившись за моей спиной:

— Добрый день, — сдержанно без единой эмоции произнес.

— Добрый, — Барсадов скользнул по нему быстрым, казалось, абсолютно равнодушным взглядом. Но я-то знала, что за это мгновение он просканировал его от и до. Тяжёлый мужик, опасный. — Мне нужно имя пристава. Имя твоей «подруги», — произнес он, взяв в руки карандаш.

Я назвала имя и фамилию белобрысой, а Лазарев, в отличие от меня, запомнил имя пристава.

— Все, я понял. Ждите.

— Чего?

В ответ взгляд, наполненный арктическим холодом. Поэтому заткнулась, проглотив все вопросы.

— Не дайте его увести. Поговорим позже, — стальным тоном, не терпящим возражения, произнес Игорь Дмитриевич и отключился.

А я почувствовала, как по хребту мурашки побежали, потому что не знала, как трактовать его слова. Сомневалась, что это приглашение на дружескую беседу, скорее, обещание

медленной и мучительной расправы.

— Черт, — выдохнула сквозь зубы, — он меня точно при-
бьет!

— Ну и дядя, — хмыкнул Никита, — как катком прошёл-
ся, хотя и двух слов не сказал.

— Угу.

— Хороши у твоего Тимура гены, ядерная порода.

— И не говори.

В этот раз не стала ворчать по поводу фразы «твой Ти-
мур». Мой! И не отдам его этой суке Власовой, чего бы мне
это ни стоило.

— Надо возвращаться, — выдал здравую мысль Лазарев,
— боюсь, как бы Тимур не выкинул какую-нибудь глупость.
Если вспылит — сделает хуже.

— Никит, ты иди. Я сейчас. Две минуты. В руки себя возь-
му и приду, а то трясет.

Он потрепал меня по макушке и ушел, а я, пользуясь тем,
что осталась одна, судорожно вздохнула, прижав руки к гру-
ди. Пусть Барсадов-старший на меня орет, пусть хоть при-
бьет, лишь бы помог отвоевать Тимура!

ГЛАВА 4

Василиса

Двух минут, чтобы прийти в себя, мне не хватило. Сидела, устало потирая виски ледяными пальцами и глядя в одну точку. Внутри кипела адская смесь. Страх потерять Тимура, злость на себя, ярость на Марику — и все это подернуто тусклой пеленой усталости. Не физической — моральной.

Когда же все наладится? Не одно, так другое! Только вздохнёшь свободно полной грудью, как очередной неприятный виток судьбы, и снова срываешься со скалы в пропасть.

Похоже, жалеть себя вошло в привычку. Раньше столько не ныла, веселее была, жизнерадостнее, беспечнее, а теперь словно беззубая старуха, чьи лучшие годы остались позади. Если я за три с половиной месяца болезни превратилась в настоящего нытика, то неудивительно, что Тимур за три года рабства стал чёрствым и закрытым.

Поднялась на ноги и побрела к остальным в гостиную. Я должна быть там, должна быть рядом с ним. Хватит прятаться. Я уже не маленькая девочка, которая могла укрыться от проблем и страхов под обычным одеялом.

Обстановка оставалась все такой же удручающей. Пристав сидел, привалившись спиной к спинке стула, сплетя пальцы на животе. Из-под густых бровей сумрачным взглядом скользил по комнате. Весь его вид говорил о том, что дядя

уверен в своей правоте, и недоволен вынужденным ожиданием.

Внутри червячок сомнений: а что если у Игоря Дмитриевича ничего не выйдет? Что тогда? Пристав просто заберёт Тимура и все? И мы не сможем ему никак помешать? Его не спрячешь в тайном месте, не отпустишь со словами «беги». Зонд свалит с ног после первого же шага.

Никита сидит на диване и, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Его явно одолевали те же мысли, что и меня. Искал выход, но не мог его найти. Чертова Ви-Эйра. Ненавижу! Спать к чертовой матери, чтобы не было таких вот жутких моментов!

Посмотрела на Тимура, даже боясь представить, что он чувствует. Сидеть вот так и ждать, когда решится судьба, и не иметь никакой возможности повлиять на ситуацию... Знать, что твоё мнение и желание ничего не значат... Еле переборола желание подойти к нему и обнять, чтобы знал, что я с ним, и никому его не отдам.

Когда прошел час, я ощутила лёгкий холодок волнения.

Когда миновало полтора, холодок трансформировался в озноб. Меня уже потряхивало так, что приходилось прятать руки за спину, чтобы никто не увидел, как их трясет, словно у наркомана под ломкой. Самое страшное в этой ситуации — это состояние полной беспомощности. Все, что могла — уже сделала, теперь Барсадов-старший должен сыграть свою роль, и я понятия не имела, в чем она заключается. Что он

сможет сделать в этой ситуации? Да и сможет ли вообще?

Я параноик. Надо надеяться на лучшее, но у меня не получалось, никак.

Смотрела на Тимура, пытаясь поймать его взгляд. Бесполезно, он сидел в одной позе, сжав кулаки, чуть склонив голову. Плечи напряжены, дыхание тяжёлое. Только бы не психанул, не выкинул что-то непоправимое. Не сделал так, чтобы все стало еще хуже, сложнее. Я даже боялась представить, что у него кипело внутри, но понимала, что если он не сдержится, то наступит катастрофа.

— Неплохой раб, — внезапно выдал пристав. Я вздрогнула от неожиданно прозвучавшей фразы. Тим весь подобрался, балансируя на самом краю выдержки. Однако мужик не обращал на его состояние никакого внимания и невозмутимо продолжал, будто говорил не о человеке, а о неодушевленном предмете: — судя по физической форме — сильный.

Он серьезно надеялся, что я отвечу? Поддержу светскую беседу, пустившись в рассуждения о выносливости Тимура, о его физической форме? Скрипнув зубами, демонстративно смотрела в сторону.

Пристав словно не замечал моей реакции, продолжал рассматривать парня, отпуская равнодушные комментарии:

— С такими данными ему самое место где-нибудь на каменоломнях, где физический труд ценится.

Тимур вскинул на него быстрый, яростный взгляд и снова опустил голову.

Не смей! Хочется закричать, броситься к нему, встряхнуть, повиснуть на шее, чтобы удержать от любых действий, слов. А ещё хочется выкинуть из своего дома пристава. Схватить кляп и заткнуть ему рот, чтобы прекратил нести всякую чушь.

Лазарев, не отрываясь, наблюдал за Тимуром, кажется, даже не моргал, не шевелился, только на скулах играли нервные желваки.

— Теперь я понимаю, почему она, — пристав кивнул головой в сторону двери, за которой скрылась Власова, — привязалась к вам. Такого можно по-разному использовать.

Все, почувствовала, что Тимур сейчас сорвётся. Он медленно поднял голову и мрачно посмотрел на пристава. Видела, как подбирался, словно тигр перед броском.

О, черт!

Понимала, что сейчас реально начнется ад, и сделала шаг к парню.

Меня опередил Никита. Я даже не заметила, как он оказался рядом с Тимуром. Тяжёлая рука опустилась на его плечо и крепко сдавила, не давая шевельнуться, отрезвляя.

Тим словно вынырнул из темной бездны, в которую начал погружаться. Поднял мутный взгляд на Лазарева, который как ни в чем не бывало начал разговаривать с приставом, правда, руку не убирал:

— Да, крепкий парень попался. Сильный, — ещё жестче сжал плечо, — повезло, что послушный, лишних движений

не делает.

На последней фразе — особое ударение.

— Да? Странно, — пристав искренне удивился, — с фиолетовой меткой и послушный? Нонсенс.

— Хозяйка хорошая попалась. Вот он ее и не хочет расстраивать. Так ведь?

Тимур, наконец, посмотрел на меня. Впервые за все это время. Еле заметно кивнула, призывая его к спокойствию. Взглядом пыталась погасить его порыв, потушить пожар. Ободряюще улыбнулась уголками губ.

Тимур, чуть прищурившись, смотрел в ответ. На эти мгновения весь мир исчез, остаётся только мы вдвоем. Внутри все рассыпалось на миллион осколков, когда увидела, как он, поверив, успокаивался. Медленно выдохнул, беря себя в руки. Слегка повел плечом, показывая, что в норме. Лазарев понял это без слов. Ещё раз хлопнул Тима по плечу и убрал руку.

С трудом перевела дыхание, но спустя минуту, когда взгляд упал на циферблат, снова забыла как дышать.

Пошел последний третий час. Я не знала, что думать, секунды ускользали, словно песок сквозь пальцы. От Барсадова ни звонка, ни весточки. Если с его деньгами, влиянием, связями ему не удастся, больше неоткуда ждать помощи. Я верила — он сделает все, что в его силах, зубами будет рвать за своего сына. Главное, чтобы успел.

Пятьдесят девять жалких минут до того момента, как при-

став уведет из моей жизни Тимура. Навсегда. До того момента, когда мое заявление об освобождении потеряет силу.

Пятьдесят восемь.

И что потом?

Да, можно будет прижать Марику, объявив, что он вольнорожденный. И это будут уже ее проблемы, ее разбирательства с комитетом по правам человека. И ее вынудят освободить Тимура, но я даже думать не хочу, через что ему придется пройти до этого момента.

— Я не совсем понимаю, чего мы ждём? — недовольно спросил пристав.

Он ждал ответа, а я не знала, что сказать. В поисках поддержки посмотрела на Никиту. Он сдержан, собран, но я его знаю как облупленного, чувствую где-то на уровне подсознания. Вижу, что за внешним спокойным фасадом, как кипит он от злости и беспомощности.

— Ждём или звонка, или приезда, — выдал он абсолютно невозмутимо.

— Кого? — не унимается пристав.

— Специалистов, — Никита пожал плечами. А что он мог ещё сказать?

— Думаете, они вам скажут что-то новое?

Да что ж этот хрен никак не заткнется? Каждая его фраза, каждый вопрос — словно удар по нашему самообладанию, по уверенности в счастливом разрешении конфликта, а главное — по выдержке и без того взвинченного Тимура.

— Посмотрим, — произнес Лазарев таким тоном, что любой дурак бы понял, что разговоры неуместны.

Пристав не понял:

— Молодые люди, уверяю, все будет именно так, как я сказал. Закон в этой ситуации абсолютно однозначен. Мы только теряем время.

Со стороны казалось, что Никита — сама невозмутимость, что ему вообще плевать на происходящее вокруг него:

— Ничего, мы не торопимся.

Торопимся!

Очень торопимся!

Ещё десять минут последнего часа пролетели мимо. С каждой ушедшей секундой во мне что-то умирало, покрывалось коркой льда. Моя никчемность, бессилие вспарывали вены наживую. В голове сотня «если бы», но от них никакого толка. Ничего уже не изменить. Я ничего не могу сделать, только ждать и надеяться на чудо.

Осталось полчаса, и я уже не могла с собой справиться. Начала метаться по гостинной взад и вперед, словно тигр в клетке. Потирала ледяные руки в надежде хоть как-то успокоиться.

Лазарев перебирался ближе к Тимуру, прекрасно понимая, что тот в любой момент мог сорваться от этой изощрённой пытки. От осознания того, что его судьба висит на волоске. Не знала, сможет ли Ник сдержать его в таком случае. Он, конечно, сильный как черт, но Тимур не слабее, а если

ещё в состоянии аффекта, то даже думать страшно, чем все может закончиться.

Пристав, наоборот, с каждой минутой все больше оживал. С его губ уже не сходила самодовольная улыбка, с показной радостью он поглядывал на время. Разве что веселую мелодию не насвистывал.

Посмотрела в окно — Марика неторопливо прогуливалась вокруг своей красной машины. Гадина, ненавижу ее! Дрянь озабоченная! Потряхивая своими белыми волосами, она поправила юбку, обтягивающую задницу, словно вторая кожа.

По спине вдоль позвоночника противной холодной струйкой сбегал пот. Мне стало холодно и жарко одновременно. Я задыхалась от паники, которую уже никак не удавалось подавить.

Пятнадцать минут.

Тимура начало трясти. Он упрямо смотрел в пол, не поднимая глаз. Я знала, что ему сейчас больно, что зонд работал на полную, реагируя болезненными уколами на каждую его мысль. А мысли там такие, что я даже представить боялась. Подойти бы да поддержать его, но у меня не было ни сил, ни слов. Не думала, что ему полегчает от моих жалких пустых фраз. От моего испуганного, отчаянно-обреченного тоскливого взгляда.

Десять минут.

Твою мать! Где Барсадов со своей помощью?! Неужели

ничего не вышло?! Неужели даже такой влиятельный человек не смог повлиять на ситуацию?

В животе разрастался ледяной ком, острыми шипами впиваясь во внутренности.

Пристав встал, разминая спину после долгого сиденья. На его лице такое явное облегчение от того, что все подходит к концу, что мне нестерпимо хотелось подскочить к нему и вклепить пощечину.

Пять минут!

Да что же все за сволочи такие?! Урод этот, демонстративно загнувший рукав и смотрящий на время. Марика — шалава крашенная, чуть ли не прыгающая у своей машины от нетерпения.

Атмосфера в доме настолько накалилась, что любая искра привела бы к взрыву. Никита, уже не скрываясь, стоял вплотную к Тимуру, от которого волнами исходило такое напряжение, что у меня в глазах темнело.

Три минуты.

Нет, нет, нет! Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

Две минуты!

Мамочка! Не заметила, как поднесла кулак ко рту и прикусила кожу, чтобы не завопить от ужаса. Боль немного отрезвила, особенно когда почувствовала солоноватый привкус крови во рту.

Одна минута.

Время остановилось. Словно в замедленной съёмке виде-

ла снисходительно улыбавшегося служителя закона, Тимура, который поднялся со стула, Никиту, сжимавшего его плечо и силой усадившего его обратно:

— Сиди, твою мать! — заорал на него Лазарев. — Хочешь, чтоб у тебя мозги спеклись?!

— Лучше уж так, — прозвучал холодный мрачный ответ, от которого душа на осколки разлетелась.

Пробирало не только меня. Пристав непроизвольно отступил, растеряв всю свою снисходительность.

— А вы говорите, что послушный, — пытался сохранить спокойствие, но сорвался на последнем слове, с головой выдавая свой страх.

Как тут не испугаться, когда Тимур смотрит на него, не отрываясь, в карих глазах клубится такая непроглядная тьма, что даже преисподняя на ее фоне кажется светлее.

Парень словно натянутая тетива. Ещё миг — и сорвётся. Лазарев сдерживал его обеими руками и, судя по напряжённым мышцам, давалось это ему нелегко.

Я уже не могла дышать, горло сдавил болезненный спазм: — Тимур, пожалуйста... — с губ сорвался то ли хрип, то ли стон.

Если он сейчас сделает хоть шаг в сторону пристава, зонд сработает на опережение. И нет ни единого шанса ему противостоять. И исправить уже ничего будет нельзя. Тимур это прекрасно знает и принимает.

— ...пожалуйста....

Он перевел хищный взгляд на меня. Замерла, словно парализованная. Я сейчас для него всего лишь хозяйка. Одна из бесконечной вереницы. Почти бывшая. Он меня ненавидит так же, как всех остальных. Мне так хочется сказать, что все будет хорошо, но не выходит. Я уже сама в это не верила, и не было сил обманывать и его, давать ложную надежду. Слова застряли в горле, хватило только на вымученное:

— Тимур, не надо!

Мы с ним словно играли в гляделки. Кто кого. Я умоляла взглядом, а он готов все сжечь, испепелить. Все вокруг и самого себя.

Пристав что-то говорил, Никита отмахивался от него, силой пытался усадить Тимура обратно, удержать. Но я ничего не слышала, не понимала. Все звуки словно через слой ваты — размытые, приглушённые. Только грохот сердца в ушах.

Задохнулась, когда увидела, как погасли его глаза. И он дал Никите усадить себя на стул. Мне снова удалось погасить его ураган, но какой ценой. Этот взгляд, наполненный разочарования и обречённости, будет преследовать меня до конца дней.

Не сразу поняла, что пристав задал мне вопрос и ждал ответа:

— Чего?

— Время ожидания истекло. Раб подлежит изъятию. Прощу вас отдать браслеты.

— Браслеты? — у меня внутри разлилась какая-то апатия.

— Да. Оба.

Я посмотрела на Лазарева, и тот с горькой усмешкой кивнул. Словно в тумане развернулась, побрела в кабинет, отказываясь верить в происходящее.

Браслеты лежали на столе там, где я их оставила. Экраны светились мрачным синим цветом, словно глаза коварного демона. Я должна их взять в руки и отдать приставу. Лично передать Тимура другому человеку. Представила, как Марика нажимает на кнопки своими когтистыми пальцами, и не смогла сдержать дрожь отвращения.

Я не могу. Лучше умереть.

Почему Барсадов не помог? Не мог он отмахнуться от Тимура! Уверена, что все возможные каналы и механизмы задействовал. Тогда почему помощь так и не пришла?! Может, не хватило времени? Пять минут, десять, пятнадцать? Может, помощь уже на подходе? Что если я сейчас отдам браслеты, отпущу Тимура, а спасение придет? И все пойдет псу под хвост? Я себя тогда не прощу, никогда.

Решение пришло само собой. Попятилась от стола, на котором лежат проклятые браслеты, пока не уперлась спиной в дверь. Не глядя нащупала замок и заперлась. Глупо, но больше ничего сделать не могла.

Подошла к креслу и тяжело в него опустилась. Откинулась на спинку, прикрыв лицо ладонями, чувствуя себя пустой, полумертвой.

Спустя минуту раздался настойчивый стук в дверь:

— Вась, ты тут? — напряжённый голос Никиты.

— Тут.

— Все в порядке?

— Да.

— Выходи.

— Нет, — устало, глухо, твердо.

— Какого... — начал он и осекся, — понятно.

Слышала, как его шаги удаляются. Снова прикрыла глаза и прислонилась к спинке кресла. Мысли расплзались в разные стороны, в голове будто марево, пестрый калейдоскоп из непонятных отрывков. Воспоминания, нахлынувшие с невообразимой силой.

Вот Марика дарит мне оборванца в широкой клетчатой рубашке, вот наш первый разговор, наш первый совместный ужин. Вот он бродит по дому, как приведение. Вот просыпается моя наблюдательность, и я раскрываю его игру, заставляю побриться. Первоначальный шок от его настоящего вида, сменяющийся паникой, когда узнаю, что Тимур — вольнорожденный. Наше противостояние изо дня в день. Переломный момент, после которого отношения идут в гору. Наша безумная поездка в автосервис, его настойчивое стремление заставить меня ходить. Его изумлённый взгляд после того, как корсет сняли, и тихое «с возвращением».

По венам растекался холодный ужас от того, что все может стать просто призрачным прошлым.

Опять стук в дверь. На этот раз резкий, раздраженный:

— Василиса Андреевна! Открывайте дверь, выходите! Что за детские выходки? Вы должны отдать браслеты по закону. Открывайте!

— Нет, — разводить дебаты не собиралась, поэтому просто отвечала категоричным отказом.

— Вы понимаете, что оказываете сопротивление правосудию?

— Да.

Я все прекрасно понимала и добровольно ставила себя под удар. На работе за такое по голове не погладят, но мне плевать. Есть вещи поважнее.

— Если вы не откроете прямо сейчас, то я буду вынужден взломать дверь.

— Нет, — мой голос даже не дрогнул, — вы всего лишь пристав и не имеете на это права.

— Боюсь, что имею.

— Нет. — размеренно, безэмоционально цитирую статью, согласно которой право на такие действия имеет полиция, и то при наличии специального ордера.

Пристав молчит. Он уже давно понял, что нарвался на законников, которых так просто не запугаешь, не заткнешь, не возьмёшь нахрапом.

— Давайте по-хорошему, — снова начинает, пытаюсь говорить миролюбиво, примирительно, — вы открываете дверь, отдаете мне браслеты, я забираю раба, и расходимся каждый своей дорогой.

— Нет.

— Молодой человек, вразумите свою подругу, чтобы не делала глупостей, — он обратился к Лазареву.

— Она в своём праве, — холодно ответил друг.

— Тогда вы вынуждает меня обратиться в специальные органы.

— А вот это уже ваше право.

— Как хотите. Вы сделали свой выбор, — раздражённо сквозь зубы произнес пристав, и я услышала, как они уходят в сторону гостиной.

С трудом сглотнула колющий ком в горле. Знала, что подставляюсь по полной, но так могла выиграть хоть немного времени. До моего дома дорога неблизкая, пригород всё-таки, да и ордер выписывают не за три минуты. Наверное, ещё час у нас есть. Может, чуть меньше, может — чуть больше. Надеюсь, этого хватит, чтобы отец Тимура смог помочь. В противном случае все зря, все напрасно.

Время душило. словно неживая, я сидела в кресле, не моргая смотрела в сторону, чувствуя, как меня окутывает апатия. Не было сил даже подняться на ноги. Просто сидела, глядя в одну точку на стене, ожидая, когда решиться наша судьба.

За дверью то и дело слышались голоса. То Никита спорил с приставом, то пытался утихомирить Тимура. В какой-то момент раздался истеричный голос Марики. Похоже, ей надоело ждать, и она снова ворвалась в мой дом, на этот раз с

угрозами и требованиями. Сука!

Я слушала их перебранку, находясь словно в другом мире. Ни одной эмоций. Похоже, у меня шок. Что же, так даже лучше.

— О, а вон и стражи порядка! — услышала злорадный голос Власовой и будто вынырнула на поверхность мутного озера.

На меня обрушился шквал звуков: шум листвы за окном, пульсация крови в висках, голоса. Господи, неужели уже прибыли?! У меня больше нет идей, как ещё потянуть время!

Вскочив, подбежала к двери и приникла к ней ухом, пытаясь уловить, что происходит снаружи.

Тишина, а потом голос Лазарева, пропитанный непонятными эмоциями:

— Я и не знал, что ваши стражи порядка ездят на таких дорогих машинах.

Внутри все подскочило, перевернулось, сердце пустилось вскачь.

Неужели это то, о чем я думаю?! Неужели помощь пришла?!

ГЛАВА 5

Василиса

Затаив дыхание, прислушивалась к происходящему. Ничего не разобрать, все словно по команде затихли. В груди сводило от смятения. Кто там приехал? Стражи порядка или кто-то, кому по силам нас спасти?

Отсиживаться в комнате больше нет смысла. Если приехала полиция, то им не составит никакого труда высадить старую ветхую дверь, закрытую на простенький замок-задвижку.

С трудом подавив волнение, я вышла, из последних сил ради Тимура удерживая на лице маску спокойствия. Не хотела, чтобы он увидел отчаяние в моих глазах.

На деревянных ногах вошла в гостиную и обнаружила все тот же набор действующих лиц.

Пристав растерял всю свою холеность. Его физиономия покраснелась, галстук съехал набок, волосы растрепались. Похоже, препирания с Лазаревым изрядно вывели его из себя. Никита молодец, если захочет — с абсолютно невозмутимым видом даже каменной статуе мозг вынесет, включив управленца на полную.

Марика злющая, как фурия. Красивое лицо утратило всю свою аристократичность. Передо мной сейчас стояла просто взъерошенная товарка с рынка.

Лазарев с ледяным взглядом и непроницаемым выражением лица. Однако и он на взводе, хотя со стороны не скажешь — только сжатые кулаки выдавали его взвинченность.

Тимур, не знаю каким чудом усидевший на месте и не разнесший всю комнату к чертям собачьим.

В мою сторону даже никто и не взглянул. Их внимание было приковано к тому, что происходило за окном.

Машина остановилась возле самого крыльца. Водитель выбрался наружу, быстрым шагом обошел автомобиль и распахнул заднюю дверь. Замерев, я наблюдала за мужчиной, который неторопливо выходил из машины. Среднего роста, коренастый, на вид — лет пятьдесят.

Лазарев перевел на меня вопросительный взгляд. В ответ лишь пожала плечами. Я понятия не имела, кто это. Судя по отсутствию формы, солидному костюму и цепкому взгляду исподлобья — дядя явно не простой страж порядка, который мчался сюда, чтобы взломать дверь в мой кабинет. Выбравшись из машины, он осмотрелся, а потом уверенным шагом направился к входу.

Не зная, что думать, нервно сглотнула, переступила с ноги на ногу, крепко обхватывая себя за плечи, словно защищаясь от реальности.

Мы подошли к финалу, и каким он будет, я не бралась предположить.

Бросила беспомощный взгляд на Лазарева. Он не обращал на меня внимания. Тимур тоже не смотрел в мою сто-

рону, как и взвинченная Марика.

Как и пристав, взглянув на которого, почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Он смотрел на приближавшегося мужчину широко открытыми глазами, в которых плескалось несказанное удивление.

Его безмолвное изумление заставило сердце пуститься вскачь. Ну не смотрят так на человека, который должен помочь и которого отчаянно ждёшь!

Лазарев, как самый проворный и быстро соображающий, подскочил к двери и широко ее распахнул. Гость не торопясь зашёл внутрь и обвел всех пристальным взглядом.

Он не задержался на Тимуре и Никите. Ему до них не было никакого дела. Чуть внимательнее и как-то раздраженно посмотрел на Марику, уткнувшую руки в боки. Эта змея хотела что-то сказать, но стушевалась, когда ее окатили холодной волной пренебрежения.

Потом он смерил взглядом пристава, который растерял весь свой боевой запал. Сделав шаг к мрачному загадочному мужику, он как-то неестественно бодро, но вместе с тем заискивающим произнес:

— Добрый день, господин префект.

О как! Префект, собственной персоной, в моем скромном доме!

— Что привело вас к нам?

— Неотложное дело, — высокопоставленный гость отмахнулся от пристава, как от надоедливого комара и, наконец,

посмотрел на меня.

Я почувствовала себя крайне неуверенно под тяжёлым изучающим взглядом. Словно под кожу залезал, заглядывал в самые потаённые уголки души. Большой босс, политик до мозга костей. Не скажу, что он мне понравился, наоборот. В его присутствии было некомфортно, неуютно. Но, похоже, именно этот человек пришел нас спасти.

— Василиса Андреевна, — улыбнулся он одними губами. Улыбка не тронула его глаз, просто дежурная отточенная маска.

— Здравствуйте, — проблеяла, чувствуя себя не в своей тарелке.

— От лица северного округа Ви-Эйры выражаю искреннее сожаление по поводу сложившейся ситуации.

Я стояла ни жива ни мертва. Шутка ли, такие слова от человека, занимающего столь высокий пост!

Ну, Барсадов! Это как надо было надавить, что сам префект пожаловал извиниться?! Не по телефону, не через третьих лиц, а лично! И сейчас стоит, смотрит на меня, пытаюсь понять, что во мне такого особенного, раз ему пришлось оторваться от своих важных дел.

Не на того смотришь, господин префект, не ради меня все это делается, а ради вон того парня, застывшего статуей и не сводящего с вас напряжённого взгляда.

— Где мы можем поговорить? — в голосе нетерпение.

— В кабинете, — осипшим от волнения голосом ответила

я.

Стоило только префекту с бледным вспотевшим приставом уйти, как на меня налетела Марика:

— На что ты рассчитываешь, никак не пойму? Все равно я заберу этого раба, из принципа.

— Заткнись.

У меня нет желания с ней спорить. Я даже не могу заставить себя снова выгнать ее из своего дома. От меня уже ничего не зависит. Наша судьба решается там — за закрытыми дверями. Упираюсь руками в барную стойку и замираю, зажмурившись, мечтая об одном: чтобы этот ад закончился, чтобы нас оставили в покое.

Марика никак не унимается, подходит ближе, прожигая меня злым взглядом. Уже раскрывает свой поганный рот, чтобы выдать очередную мерзость, но ее останавливает напряжённая фраза Лазарева:

— А вот это точно полиция!

К дому подъезжала вторая машина с характерными опознавательными знаками. Из нее выскочили четверо бодрых ребят в форме и, не сговариваясь, пошли к дому. Чуть замедлили шаг, проходя мимо машины префекта, переглянулись и стремительно поднялись по ступеням.

Тимур, ни на что не реагируя, сидел на стуле. Видела капельку пота, стекавшую по виску, и понимала насколько ему сейчас хреново. Вокруг все непонятно, Марика нагнетала ситуацию своими воплями. А он боролся с собой, со своими

мыслями, с желанием послать все подальше и одним жестом прекратить это безумие. Поставить жирную точку в своих мучениях.

В дверь постучали, и я, собрав остатки самообладания, пошла открывать.

Первым делом увидела перед собой документы. По привычке внимательно прочитала, слушая, как полицейский озвучивает цель их визита и, ненавязчиво оттирая меня в сторону, проходит в дом, скользит взглядом по обстановке, на долю секунды задерживаясь на каждом из присутствующих:

— Где пристав, по вызову которого мы приехали?

— В кабинете, — кивнула через плечо, — с префектом разговаривает.

Полицейские в недоумении смотрели на меня, ожидая пояснений, а я лишь развела руками. Понятия не имела, о чем там разговор, меня никто не приглашал в нем участвовать. Один из стражей порядка все-таки пошел к кабинету и заглянул внутрь, после чего вернулся обратно и, кивнув остальным, встал в стороне.

Мой дом сегодня напоминал поле боевых действий и проходной двор одновременно. Столько незнакомых и неприятных людей одновременно на такой небольшой территории — это перебор. У меня даже дышать нормально не получалось в этом аду.

Марика металась из стороны в сторону, раздраженно по-

глядывая на часы.

Тим с Никитой сидели чуть поодаль. Лазарев ни на секунду от него не отходил, опасаясь необдуманных действий. Стражи порядка хмуро смотрели то на одного, то на другого, нервируя меня, да и всех остальных одним своим видом.

В безмолвной неизвестности прошло еще несколько минут, после чего тишину гостиной разорвала звонкая трель телефона Власовой. Она раздраженно открыла маленькую сумочку, извлекла его и ответила:

— Пап, мне сейчас некогда, давай попозже...

Марика заткнулась, потому что с другой стороны трубки полился откровенный трехэтажный мат. Ее телефон был настроен так, что мы невольно слышали всю пламенную речь ее отца, четко, разборчиво, со всеми деталями.

«Подруга» опешила, растерялась и замерла посреди комнаты, как статуя, пытаясь вставить хотя бы слово в поток ругани, обрушившийся на нее:

— Пап...

— Какого черта ты творишь?! Совсем мозги атрофировались?!

— Пап, я не понимаю... ты чего? — мычала она, с каждой секундой краснея все больше.

— Да ты вообще ничего не понимаешь, безмозглая! На тебя сейчас разнарядка пришла за незаконное вторжение на частную территорию и попытку присвоения чужого имущества! Чужого раба! Тебе, мать твою, своих не хватает, что

ли?!

— Все законно, — начала было она, но безрезультатно.

— Рот свой закрой! Сейчас только что звонил знакомый из следственного комитета, интересовался, что происходит! Ладно, хоть предупредил! Вот бы сюрприз был, скрути они тебя на улице! В общем, домой, живо! Ты у меня и шага теперь не ступишь без разрешения! Позорище! Где ты сейчас?!

Марика что-то промычала, ее папаня на миг замолк, а потом разразился новым потоком брани:

— Ты там, да?! В чужом доме?! Пытаешься увести чужого раба?!

— Да, я его подарила, а они тут... Я просто хотела забрать... С приставом...

— Молчи, дура! Просто молчи! Во взрослые игры решила поиграть?!

Власова вся сжалась от грозных отцовских воплей, бросила затравленный взгляд в сторону двери. Похоже, хвост он ей хорошо накрутит, чтобы неповадно было к другим лезть.

В гостиную вошел префект, следом за ним, подобострастно улыбаясь, семенил пристав. Я больше не могла держать себя в руках, нервы обнажены, каждый звук отзывался болью в грудной клетке.

Пристав вышел вперед и начал растекаться передо мной в извинениях, дескать, это недопонимание, недоразумение, ошибка. Старался из всех сил, разве что руки лобызать не начал.

В этот момент по рации полицейским поступил вызов. Ответ, минутное молчание, выслушивание собеседника, в конце невозмутимое «принято», и отбой.

Не прошло и двух секунд, как наглая блондинка, измотавшая нам все нервы, оказалась с заломленными за спину руками. Один полицейский невозмутимо зачитал ей ее права, другой повел к выходу. Остальные просто пошли следом, извинившись за доставленные неудобства.

Власова настолько ошарашена происходящим, что даже не пыталась сопротивляться. Только нелепо открыла рот и недоверчиво распахнула глаза, не понимая, как вышло, что только недавно она была на коне, практически получив желаемое, а сейчас ее уводят как преступницу.

Я не знала, что ее ждет дальше, да мне и плевать на нее.

Пристав, чуть ли не кланяясь и не приседая в реверансах, пятился к двери, и спустя мгновение исчез из поля зрения. После чего префект подошел ко мне и, смерив задумчивым взглядом, сказал:

— Поздравляю, у вас очень влиятельные друзья. Больше вас никто не посмеет побеспокоить. Если вдруг проблемы все-таки возникнут — свяжитесь со мной, — протянул свою визитку, которую я, пытаясь взять непослушными пальцами, уронила на пол. Вспыхнув, торопливо подняла ее и выжала из себя измученное:

— Спасибо!

Он лишь хмыкнул, явно недоумевая, почему за меня про-

сил такой важный человек как Барсадов, и напоследок одарив снисходительным «До свидания», направился к выходу.

— До свидания, — прошептала ему в спину.

В какие-то считанные мгновения дом полностью опустел. Незванные гости испарились, остались только мы вдвоем, замерев на своих местах, не в силах ни пошевелиться, ни вздохнуть нормально.

Прошло, наверное, минут пять, прежде чем Лазарев заговорил, нарушая надсадную тишину:

— Черт, я с вами чуть не поседел! — быстрым шагом ушел прочь, и я знала, что обратно не вернётся, пока не выкурит полпачки и не успокоится.

Тимур медленно поднялся со стула и на негнувшийся ногам пошел в кухню, оставляя меня в гордом одиночестве. Только сейчас получилось глубоко, с надрывом, вздохнуть. Сердце билось где-то в горле, колоколом отдавая в висках. Не верилось, что все закончилось, что пристав ушел ни с чем, что Марику увели под конвоем, что больше никто не посмеет к нам сунуться.

Ноги ватные, все вокруг будто размытое пёстрое месиво. Пошатываясь, я пошла в кухню и, замерев на пороге, смотрела на Тимура. Я даже представить боялась, что у него сейчас творилось внутри, как его ломало.

Парень стоял, опершись руками на столешницу, низко склонив голову. Широкие плечи напряжены до предела, дыхание сдавленное.

Не совсем понимая, что делаю, направилась к нему. На миг остановилась, глядя на спину, вздымавшуюся в такт дыханию, чувствуя, что невыносимо хочется к нему прикоснуться. В другой ситуации, может, и отступила бы, но только не сегодня. Только не после того, как чуть его не потеряла.

Молча подошла и, прикрыв глаза, обвила руками его талию.

Почувствовав мои руки, непроизвольно вздрогнул. Думала, оттолкнет, но вместо этого лишь покосился на меня через плечо. Ощущение такое, будто прикасаюсь к проводу под высоким напряжением. Он весь словно гудел, вибрировал. Против воли обняла его ещё крепче, прижимаясь лбом к спине, замирая, едва дыша. Вдыхала его запах. Прислушивалась, как быстро, гулко, неровно бьётся его сердце.

Тимур тяжело вздохнул, нервно сглотнул, и я ощутила, как его тело постепенно расслабилось. Он успокаивался.

Вот так. Все хорошо. Мы справились.

Сердце делает кувырок в груди, когда чувствую, как его ладонь накрывает мои руки, сцепленные на животе.

Так и стояли, не в силах пошевелиться, отступить. Держались друг за друга, потому что по отдельности уже никак. Странная ситуация, неправильная. Невольно ловила себя на мысли, что нам бы встретиться в другое время, при других обстоятельствах. Тогда все могло быть иначе. Совсем по-другому. Не было бы хозяйки, раба Барсика. Не было бы всего этого кошмара. Только мы.

От этих мыслей не по себе. Не имею я права так думать. Вообще не имею права к нему подходить. Табу. И не только потому, что он может воспринять это как домогательство со стороны хозяина. Нет. Потому что через два месяца он снова станет вольным и просто уйдет, а я навсегда останусь для него эпизодом из сумрачного прошлого. От этого больно в груди.

Отступила, несмотря на пустоту в душе. Мои руки плавно выскользнули из-под его ладони. Уже сожалея о своём опрометчивом поступке, я пошла из кухни, но через несколько шагов замерла, словно пригвожденная к месту его тихим хриплым голосом:

— Спасибо.

Я прикрыла глаза, пытаюсь удержать тоску.

— Тебе надо благодарить не меня, а Никиту. Если бы он не заметил тревожных сигналов, общаясь с Марикой, мы бы не подготовились, и она вполне могла тебя увести. Так что Лазарева благодари за своё спасение. Не меня

Я-то все упустила.

От пережитого трясло так, что стучали зубы. Торопливо, боясь нарваться на Никиту, чуть ли не убежала в свою комнату. Ворвавшись внутрь, захлопнула за собой дверь, прижалась к ней спиной, затылком. Прикрыла глаза, по щекам бежали слезы.

Этот день вымотал меня, вывернул наизнанку, выпотрошил.

Да, все закончилось хорошо, но чувство, будто разобрали, перетряхнули всю душу и бесформенной кучей засыпали обратно осколки, грязные, истрепанные ошмётки.

Я забралась в душ, включила воду на полную. Горячие струи обжигали, но мне было холодно. Меня по-прежнему трясло от осознания того, что сегодня из-за своей халатности я могла потерять Тимура. Если бы не его отец, если бы не Лазарев, Марика смогла бы его увести.

Все кончилось, но душу рвало от ужаса. Уже не пыталась сдерживаться и не хотела этого. Опустившись на колени, заревела, рукой зажимая рот, давя на грудную клетку, пытаюсь хоть как-то унять боль при вдохе.

Страшно, что могла потерять Тимура. А ещё страшнее, что поняла простую вещь.

Я без него не смогу. Просто не смогу и все. И то, что вначале приняла за влюбленность, на самом деле нечто большее. Я люблю его.

ГЛАВА 6

Василиса

Дом будто застыл, погрузился в оцепенение.

Я просидела в своей комнате до самого вечера, забравшись с ногами в кресло, сама того не желая, раз за разом проигрывая в памяти сегодняшнее утро. Изводила себя, задыхалась от эмоций. Мне было холодно. На улице лето, жара, а мне холодно до такой степени, что зуб на зуб не попадал. И нет никакой возможности согреться, в груди будто застрял колючий кусок льда, вымораживающий внутренние органы.

Меня никто не беспокоил. Я была полностью предоставлена своим мыслям, утопала в них, беспомощно барахталась и не находила сил выплыть. Не могла понять, что страшнее: то, что произошло сегодня в моем доме, или выводы, к которым я в результате пришла.

А еще я не знала, что делать дальше. Внезапно осознала пугающую реальность. Через пару дней Лазарев уедет, а мы с Тимуром снова останемся вдвоем, наедине.

Я не смогу.

Как выдержать, если сердце сбивается с ритма, когда смотрю на него? Как выдержать осознание того, что шансов нет? Мы с ним по разные стороны баррикад. Статус наших отношений «раб — хозяйка». И он навсегда останется между нами. Хотя наше «навсегда» почти закончилось. Два ме-

сяца и не будет ни хозяйки, ни раба. Не будет ничего. Нас не будет. Впрочем, нас и так нет.

На ужин я не вышла. Не хотелось ничего. Ни еды, ни воды. И видеть никого не хотелось. Пряталась от самой себя в темной тишине комнаты, устремив печальный взор на окно, рассеянно отмечая, как на потемневшем небе одна за другой загораются звезды.

Потом перебралась на кровать, натянула на голову одеяло и прикрыла глаза, сомневаясь, что получится заснуть

Утро встретило солнечными лучами, пробравшимися в окно. Они болью отдавались где-то под сердцем, предвещая начало нового непростого дня.

Нехотя я поднялась, умылась, не удостоив отражение в зеркале даже мимолетным взглядом. Эйфория от собственного преображения сошла на нет и уже казалась чем-то далеким, несущественным. Будто ее и не было.

Выйдя из комнаты, уловила голоса на кухне. Оба там. И Никита, и Тимур. Непроизвольно сделала шаг назад, подсознательно желая сбежать, спрятаться, но в последний момент остановилась, одернула себя. В таком побеге нет смысла. От себя не сбежишь.

Пошла к ним. И с каждым шагом внутри снова все леденело. Сейчас я этому рада. Пусть лучше безразличный холод, чем черная тоска и дикий блеск безумных глаз.

— Доброе утро, — голос получился хриплым, монотон-

НЫМ.

Тимур кивнул, а Никита, скользнув по моему помятому лицу проницательным взглядом:

— По тебе не скажешь.

Я лишь отмахнулась:

— Почти не спала после вчерашнего, что ни сон, то кошмар. Трясло всю ночь.

Что ж, наполовину правда. Остальное им знать необязательно.

— Не одну тебя, добро пожаловать в наш клуб, — невестело усмехнулся Лазарев, — как раз об этом говорили. Эх, и дала просратся твоя дражайшая подруга. Вчера просто в шоке был, даже слов найти не мог, когда все свалили. Хоть сегодня могу подвести итог. Это просто звездац какой-то. Эмоциональная мясорубка.

Опять махнула рукой:

— Даже говорить не хочу об этом. Жесть полнейшая, — набравшись сил, посмотрела на Тимура: — А ты как?

Он сделал неопределенный жест рукой, дескать, с переменным успехом.

— Ты молодец, что удержался. Не сорвался.

— Ага. Я такой, — хмыкнул Тимур, — сдержанность вообще мой конек. Просто Бог выдержки.

Фраза, произнесенная придурковато-бодрым голосом, прозвучала настолько нелепо, что нас пробирали смех. Нервный, нездоровый, навзрыд. Ржали, как три придурка, и ни-

как не могли успокоиться. Как ни странно, на душе стало чуть легче, несмотря на то, что от этого болезненного смеха на глазах выступили слезы.

Черт, сейчас точно разревусь. Истерично, навзрыд.

Смахнув слезы, отвернулась к шкафу, чтобы достать чашку. На губах все еще играла полубезумная улыбка. Все, пора лечиться. Однозначно. Пока еще есть шанс без потерь восстановить расшатанные нервы.

Сделав себе кофе, снова повернулась к ним и чуть не уронила кружку на пол, только сейчас заметив браслет на руке Тимура. Из легких будто выбили воздух. Смотрела, не отрываясь, на полоску ненавистного металла на его запястье. В недоумении перевела взгляд на Лазарева, потом опять на Тимура:

— Это что?

Неловкая тишина, парни переглянулись между собой, а у меня начало жечь кожу, будто это на мне браслет, а не на нем.

— Тут такое дело... Мы подумали и... — начал Никита.

— Вась, лучше так, — перебил его Тим спокойно, невозмутимо, будто обсуждал погоду, — пусть себе висит на руке, он мне не мешает.

Смотрела на него во все глаза. Не ты ли, сдержанный ты мой, всеми силами старался избежать браслетов, мрачней от одного только упоминания о них?! А теперь сидишь как ни в чем не бывало?!

Недовольно поджала губы, не понимая своей реакции. Все

правильно. События вчерашнего дня к такому итогу и должны были привести. Лучше в браслетах, но спокойно, не ищущая удачу, которая в следующий раз может быть не на нашей стороне. Все верно. Но внутри яд разъедал грудную клетку, когда смотрела на это «украшение». Господи, как же я ненавижу эту планету!

Снова отвернулась к окну, чтобы никто не увидел моих глаз, не понял, что творится на душе.

— Я ж говорил, что ее убедить будет сложнее, чем тебя, — услышала голос Лазарева за спиной и мгновенно закипела.

От всего этого безумия, от грязи, в которой вынуждены барахтаться. И даже мысли о том, что через пару месяцев все закончится, не смягчали состояние. Наоборот, добавляли горечи.

Несколько раз вдохнула глубоко и так же глубоко выдохнула, пытаясь успокоить метавшееся в груди сердце. Тише, Васька, тише. Никита прав, как всегда. Он смотрит наперед. Учится на своих ошибках, делает выводы и предпринимает все, чтобы снова не сорваться в бездну. Нам всем.

Взяв себя в руки, развернулась к ним, даже не пытаясь скрыть недовольство:

— Мне тоже надо его носить? — кивнула на браслет, тускло поблескивающий на руке Тимура.

— Вообще-то, да, Вась, — Никита пристально следил за моей реакцией, — у него фиолетовый уровень. Значит, браслеты должны быть всегда.

— Гадство, — простонала, потирая бровь.

— Все не так уж и плохо, — Лазарев попытался приободрить улыбкой, — Тимур, вон, и то спокойно его переносит.

Невольно посмотрела на парня. Он сидел, облокотившись на стол, и смотрел на меня исподлобья. Спокойно, будто говорили не о браслетах, способных скрутить его в бараний рог, а об обычных часах. И тут до меня дошло, почему он так реагирует на происходящее.

Он знает, что эти оковы ничего не изменят. Он доверяет. Мне.

На душе стало тепло и в то же время нестерпимо тоскливо.

С всхлипом втянула в себя воздух и кивнула, признавая необходимость такого шага. Но до чего же хреново!

Взяв кружку, пошла к выходу, но замерла, услышав слова Лазарева:

— Чу, тебе с утра названивал благодетель, спасший нас вчера. Перезвони ему.

Черт, разговора с Барсадовым-старшим я не выдержу, но делать нечего. Таких людей игнорировать нельзя. И простым сообщением из разряда «у нас все хорошо. Спасибо» не отделаешься.

— Хорошо.

Оставив Тимура с Никитой, я заперлась в кабинете, чтобы никто не беспокоил, и некоторое время просто сидела перед компьютером, уткнувшись взглядом в черный экран, на

котором застыло мое размытое отражение. Неясное, мутное, темное, как моя душа в этот самый момент.

Включив машину, не торопясь, достала второй браслет, положила перед собой и с каким-то извращенным интересом рассматривала. Я не хотела его надевать, наверное, даже больше, чем сам Тимур. Я боялась его, начинала нервно дрожать, стоило только прикоснуться кончиками пальцев к гладкой поверхности, будто вытягивающей тепло из сердца. Теперь придется.

Благодаря белобрысой Заразе, которая с упорством умалишенного лезла в нашу и без того сложную жизнь.

Дрянь.

Компьютер включился, и спустя долю секунды поступил входящий вызов. Барсадов. Даже не ответив на его звонок, чувствовала, что он раздражен. Наверное, надо было вчера ему позвонить, все рассказать, отчитаться. Но я не могла.

— Здравствуйте, — сдавленно сказала, нажав кнопку «ответить».

На экране мрачный и чертовски злой мужик, у которого испарилась вся его выдержка и надменность. М-да, действительно отец своего сына. Один в один, как Тимур, когда тот злился. Темные глаза так же полыхают.

— Какого черта ты пропала? — прорычал он.

А у меня даже ничего не дрогнуло внутри. Измучилась, перегорела, как дешевая лампочка. Взгляд по-прежнему на браслете.

— У нас все хорошо, — выдала бесцветным голосом, — спасибо.

— Не вижу радости в очах, — резкий ответ заставил вздрогнуть. Игорь Дмитриевич впился цепким взглядом, сканируя каждый миллиметр моего лица. Как всегда, чувство, будто под кожу забирается. Я в ответ просто смотрела без эмоций. Он спросил уже спокойнее: — Точно все нормально?

— Да.

Похоже, меня накрыл откат номер два. Вчера — истерика, сегодня — оцепенение.

Барсадов смотрел на меня, ожидая объяснений. И я начала говорить, на автомате описывая ему все, что вчера происходило. Про ожидание, про белобрысую, про пристава, про префекта. Обо всем подробно. Еще раз поблагодарила за помощь и замолкла. Встала из-за стола и отошла в сторону от камеры, прикрываясь тем, что ищу что-то важное. На самом деле, пока рассказывала, будто заново окунулась в тот ад, и по щекам побежали слезы.

Барсадов молчал с минуту, терпеливо ожидая, когда я, наконец, появлюсь в кадре, после чего со вздохом спросил:

— Ревешь?

От этого слезы еще сильнее. Отрицательно помотала головой, потом спохватившись, что он не может меня видеть, сдавленно ответила:

— Нет.

Глупая ложь. В голосе еле сдерживаемые всхлипы.

— Понятно, — Игорь Дмитриевич, естественно, не поверил, — все прошло. Успокаивайся. Они теперь к вам не сунутся. Так что можете расслабиться.

— Угу, — только и смогла выдать, прижавшись лбом к прохладной стене.

Чувствовала себя раздавленной, опустошенной от того, что вчера чуть не потеряла человека, которого люблю. От того, что не имею никаких прав на эту любовь. Как все сложно.

Опять тишина. Я пыталась успокоиться, нашла влажные салфетки и вытерла лицо.

Потом большими жадными глотками выпила кофе, отчаянно жалея, что это не простая холодная вода.

Мой собеседник терпеливо ждал. Другой бы на его месте уже прервал вызов, отключился, а этот давал время успокоиться.

Наконец, удалось обрести какое-то подобие душевного равновесия, и я снова уселась перед камерой. Надо отдать должное, Барсадов не стал пристально рассматривать мою покрасневшую, опухшую от слез физиономию. Просто сделал вид, что ничего не произошло. И на том спасибо.

— Неприятно говорить, но вам надо доставать браслеты.

— Уже, — ответила ему глухим эхом, — Тимур его надел.

— Сам?

— Сам.

Барсадов на миг замолчал, а потом, усмехнувшись, про-

изнес:

— Молодец, взрослеет. Мог ведь и упереться.

— Попробуй тут не повзрослей. Не знаю, каким чудом он вчера сдержался.

— А ты? Где твой браслет? — Игорь Дмитриевич, как всегда, смотрит в самый корень проблемы.

— Вот он, — нехотя двумя пальцами подвинула оружие пыток в зону видимости камеры.

— Надевай, — звучит строгий голос Барсадова. — Один раз сошло вам обоим с рук, второй раз может не получиться. Надевай! — в голосе прямой приказ, а я замираю, глядя на этого сурового мужчину, как заяц на волка. — Хватит, уже поиграли в свободу, теперь чтобы все было по правилам, чтобы больше ни одна тварь не могла подкопаться!

Все верно он говорит, и Лазарев то же самое говорил. И Тимур все прекрасно понимает. Одна я торможу. Выдохнув, просунула руку и защелкнула браслет, чувствуя, как он неприятно холодит кожу.

— Переводи в режим ожидания, — напоминает Барсадов, и я покорно набираю нужную комбинацию, после чего экран на моем браслете становится серым.

Игорь Дмитриевич с непонятым выражением лица наблюдал за моими действиями — несладко смотреть, как хозяйка твоего единственного сына проводит манипуляции с браслетом, способным доставлять адские мучения. Мы все заложники страшных обстоятельств, утешает только, что

осталось недолго, скоро все закончится.

— Вы когда планируете приехать? — спрашиваю.

— Десятого сентября.

День в день.

— Какие-то проблемы? — спросила, имея в виду поиск тех, кто отправил Тимура на Ви-Эйру.

— Нет. Почти всех взяли, осталась мелкая шушера. Этих крыс труднее всего отследить, но мои люди их найдут, — уверенно ответил Барсадова.

— Тогда почему вам не приехать раньше?

— Я бы с радостью, но... не уверен, что Тимур захочет, чтобы я его видел в том статусе, который у него сейчас. С таким нравом проще вынести все в одиночку, чтобы никто не видел, и вернуться, оставив все плохое за плечами, и больше об этом не вспоминать.

Все плохое — это Ви-Эйра, три года ада, бесконечная чередя хозяев и я в их числе. Как только придет срок, Тимур повернется и уйдет, не оглядываясь.

Проклятье.

— В общем, сидите тише воды ниже травы и никакой самодетельности! — смотрит на меня исподлобья, намекая на наш безрассудный выход в свет без браслетов.

— Хорошо.

— Все, удачи. Еще созвонимся.

— Непременно.

Барсадов отключился. Я пару минут сидела за столом, до-

пивая остывший кофе, а потом покинула кабинет.

В кухне сидели все те же действующие лица. Им заняться, что ли, нечем? Я так надеялась, что удастся побыть одной, а тут снова встречаются две пары настороженных карих глаз:

— Ну как? — спросил Лазарев.

— Все хорошо. Получила нагоняй, а так все в норме.

— Что это за субъект загадочный, что заставил всех прыгать на задних лапках? — лениво поинтересовался Тимур.

Я грустно посмотрела на него и пожала плечами:

— Это очень важный дядька. Когда-нибудь расскажу.

— Не то чтобы я сгорал от любопытства, — отмахнулся Тимур, — просто непонятно, как ему удалось напрямь самого префекта. Твой поклонник?

У меня ладони на нервной почве вспотели. Эх, Тимка, знал бы ты, кто стоит за моей спиной и отводит от нас грозные тучи! Он ради тебя горы свернет, раздавит любого, кто перейдет дорогу!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.